



МАРК АГАТОВ

УБИЙТЪ

ЖУРНАЛИСТА

Марк Агатов

Убить журналиста

«Издательские решения»

Агатов М.

Убить журналиста / М. Агатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833314-9

Маркус Крыми никогда не хватал звезд с небес. Он сочинял детективы, которые издавались небольшими тиражами. Но все изменилось после того, как к нему попали секретные материалы ЦРУ. Писатель включает взрывоопасные документы в будущую книгу. Об этом узнают агенты ЦРУ. Они уничтожают рукопись, похищают его жену и пытаются убить автора. Казалось бы, выхода нет, но тут на помощь писателю приходят шесть фотомоделей. Их оружие: страстная любовь, женское коварство, гипноз и... сто килограммов взрывчатки... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-833314-9

© Агатов М.

© Издательские решения

Содержание

Выстрел из охотничьего ружья	6
Похищение невесты	8
Тупик Чубайса, №13	11
«Хулиганы» из ЦРУ	18
Наркотики для Казантипа	22
Ночная любовь	24
Ночь в чужой постели	25
Аврал в издательстве	27
Пожар на улице Гайдара	30
Убить Македонского!	32
Горячая сковородка для телеоператора Би-Би-Си	36
Бурная ночь со стриптизером	39
Кто украл «Пятую колонну»?	40
У Тарзана сумасшедшая жена	42
Разговор об убийстве	45
«Желтая правда»	48
Стриптизёр Тарзан. Послевкусие	49
Случайные связи	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Убить журналиста

Марк Агатов

Все события, описанные в книге, взяты из реальной жизни, но пройдя сквозь подсознание автора, они несколько изменились. В этой связи, мы вынуждены предупредить читателей, что любые совпадения с конкретными преступлениями, реальными людьми, организациями, предприятиями, аэропортами и торговыми марками – случайны.

Редактор М. Ильин

Дизайнер обложки Марк Агатов

Фотограф Марк Агатов

© Марк Агатов, 2019

© Марк Агатов, дизайн обложки, 2019

© Марк Агатов, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4483-3314-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выстрел из охотничьего ружья

В час тридцать у подъезда старой девятиэтажки остановилось такси. Из него выскочила женщина в шикарном платье невесты и застучала каблукками по разбитому асфальту. Таксист, получив по радиотелефону новый вызов, тут же уехал.

«Ни одной лампочки в подъезде, – поежилась от страха женщина. – Завтра жалобу напишу начальнику ЖЭКа».

Женщину в платье невесты звали Ириной. Ей было около тридцати. В этом доме она жила три года со своим вторым мужем. Ирина сделала еще два шага вперед и неожиданно споткнулась обо что-то твердое и тяжелое. Не устояв на ногах, она упала на землю и сломала модный тонкий каблук.

– Этого еще не хватало. Первый раз надела туфли. И что за день такой?

Ирина пошарила вокруг рукой и подняла с земли тяжелую монтировку.

– Надо ж такое, эти идиоты-соседи уже выбрасывают на улицу запчасти для машин. А начинали с женских прокладок. Ну, я им устрою завтра.

Женщина попыталась встать на ноги, и тут увидела в кустах лежащего лицом вниз мужчину. Он не подавал признаков жизни. Ирина хотела закричать, но не смогла. От страха у нее перехватило дыхание. Хромая, женщина в белом подошла к мужчине, взяла его за руку, чтобы проверить пульс, и вдруг поняла, что она держит руку своего мужа.

– Гарик, – в ужасе прошептала Ирина. – Что с тобой? Ты меня слышишь?

Мужчина тихо застонал. Ирина схватила его за руки и развернула лицом к себе.

– Кто тебя избил? Как ты тут оказался?

Мужчина ничего не ответил. Ирина, забросила себе на спину пострадавшего и потащила его вверх по лестнице. На третьем этаже своим ключом она открыла входную дверь, и положила мужчину на кровать. После чего закрыла дверь на замок и, отшвырнув в сторону белоснежные туфли на высоком каблуке, включила свет.

– Что с тобой случилось? – спросила она.

Муж лежал с закрытыми глазами и тихо стонал.

– Я вызову «скорую».

– Нет, – чуть слышно произнес он.

– Почему?

– Они могут вернуться.

Ирина достала из аптечки перекись водорода, ватные тампоны, йод.

– За что тебя так? – спросила она, обрабатывая раны на голове.

– У меня рюкзак был за спиной. Там рукопись новой книги и мои фотографии.

– Они избили тебя из-за книги?

Гарик не ответил.

– А где ты был все это время?

Мужчина молчал. Он лежал на кровати с закрытыми глазами и тяжело дышал.

– Мужа нашла себе. Вместо того, чтоб он меня защищал от негодяев, я должна еще и его проблемы решать. Рукопись у него украли. Да кому нужны сегодня книги? Кто их читает! – неожиданно перешла на крик Ирина, снимая со стены двуствольное охотничье ружье. Достав из шкафа патроны, она быстро зарядила его, надела домашние тапочки, и осторожно приоткрыв дверь, стала спускаться на первый этаж.

В подъезде никого не было. Лишь только ветер хлопал входной дверью, да разбитая форточка на втором этаже с грохотом билась о стену. Ирине было страшно, ей казалось, что в темноте притаились грабители. Она спустилась вниз, и, включив фонарик, стала осматривать прилегающие к подъезду кусты. Под одним из них она заметила человека. Он с ужасом смотрел на направленный в его сторону ствол ружья.

– Стой! Стрелять буду! – громко крикнула Ирина. – Ты кто такой?

Мужчина не ответил и стал поднимать вверх руки, а когда Ирина отвела в сторону ствол, прыгнул вверх и, перелетев через кустарник, бросился к соседнему подъезду. Ирина инстинктивно нажала на спусковой крючок. Грохнул выстрел. От боли мужчина дико взвыл и, матерясь, зигзагами побежал к ближайшей лесопосадке.

– Убью, гада! Стой! – закричала женщина, но преследовать его не стала. У нее у самой от страха дрожали руки.

Похищение невесты

Минут через десять Ирина вернулась в квартиру с монтировкой в руках.

– Возле подъезда ничего нет, ни рюкзака, ни фотографий, – как ни в чем не бывало, сообщила женщина. Она ждала вопрос о выстреле.

Гарик молчал.

– Тебя ничего не удивило? – потеряв терпение, спросила Ирина.

– Ты в кого-то стреляла. Я слышал выстрел и твои крики.

– Я чуть не убила мужика. Он сидел в кустах и наблюдал за нашим подъездом.

– Опиши его, – спокойным голосом попросил муж.

– Маленького роста. Метр шестьдесят, не больше. Круглолицый. Уголовник.

– Почему уголовник? – с интересом посмотрел на супругу Гарик.

– Когда я вышла из подъезда, он сидел на корточках. Так сидит тот, кто много лет провел в лагерях.

– Откуда ты знаешь, как сидят зэки?

– Знаю. Не одному ж тебе детективы сочинять. Есть еще и любители криминального чтения.

– Еще что запомнила?

– Он был в спортивных брюках и темно-синей куртке с надписью «Адидас». Костюм местного пошива под «фирму». В правом кармане у него лежал нож. Большой, охотничий. Ты его знаешь?

– Нет.

– Я ему в пятую точку заряд дроби всадила, – пояснила Ирина, бросая ружье на кровать. – 12-й калибр. Захочешь встретиться, ищи в травматологии.

– И не побоялась выстрелить? – удивленно посмотрел на Ирину Гарик.

– Я со своим бывшим не только уток стреляла под Москвой, но и на медведя ходила в тайгу. Он был помешан на охоте.

– Утки не человек. Так что ты тоже переступила черту... – чуть слышно пробормотал супруг.

– Какую черту? – механически уточнила Ирина.

– Красную, после этого выстрела тебя уже никто не остановит. Где ты была все это время? К бывшему ездил?

– И к нему тоже, и к любовнику молодому! – повысила голос Ирина. – Еще вопросы есть?

– Нет.

– А у меня есть вопросы. Вначале на меня напал Старков с опасной бритвой, а потом на тебя хулиганы с монтировкой. Не слишком ли много случайностей для одного дня?

– Я не помню, кто на кого напал. Я шел домой, никого не трогал.

—Только что ты говорил про какую-то рукопись. Ты даже меня послал искать рюкзак в свадебном платье. Боялся, что его заберет случайный прохожий?

– Я никуда тебя не посылал. Я просто сказал, что в рюкзаке вместе с фотографиями лежала рукопись моей новой книги.

– Ты говорил, что тебя избили из-за детектива?! – продолжила женщина.

– Может, и за книгу, а может, просто хулиганы напали. Не знаю. Они говорили на суржике.

– Жители независимой Окраины ограбили великого писателя все той же Окраины, – подколола Гарика Ирина. Она гордилась своим московским происхождением. – Тебе не кажется, что это бред? Кому нужны твои книги. Их уже никто не покупает! Любовный роман написал, ни один экземпляр не продан! А может, это любовница твоя все подстроила? В Казантипе она со мной тоже на суржике говорила. У вас же любовь была.

– Когда это было? – чуть слышно пробормотал Гарик. – Я спать хочу. У меня голова болит.

– Спи. Я не буду больше говорить с тобой. Только завтра ты меня здесь не увидишь. Я уйду от тебя навсегда. Нет, чтобы меня пожалеть, поговорить о том, что случилось... Меня же в заложники взяли по-настоящему. Я два часа находилась рядом с вооруженным опасной бритвой сумасшедшим! Ты хоть понимаешь, что произошло?! – закричала женщина.

Гарик никак не отреагировал на слова Ирины. Он лежал на кровати и тяжело дышал. Женщина недовольно посмотрела на мужа и отправилась в ванную.

«Это часа на два», – отметил про себя супруг. У него жутко болела голова.

Тем временем из ванной послышался шум воды. Гарик попытался вспомнить тех, кто на него напал у подъезда. Но вместо хулиганов перед глазами появился «черный квадрат» Малевича. Сначала он был похож на картину в музее, а потом стал быстро увеличиваться в размерах.

– Он опять здесь, – чуть слышно произнес Гарик и провалился в глубокий сон.

Свои книги ученик Вольфа Мессинга Гарри Барский писал... во сне. Сначала в его голове появлялся «черный квадрат», потом главные герои, которые вели автора за собой, рассказывая о своей жизни, но это еще не было книгой. Утром он превращал длиннющие монологи в крутой детектив. Так случилось и на этот раз. Во сне Гарри Барский увидел начало своего нового романа. Первыми из «черного квадрата» вышли главные герои: писатель Маркус Крыми и его давняя знакомая психолог Вера Самойлова.

«Не ко времени все это, – подумал Гарик. – Они сейчас перепутают все мои мысли, и я не смогу понять, кто мой враг, а кто друг, и было ли это все на самом деле, или нет».

Хозяин квартиры открыл глаза и попытался встать на ноги, потом взял в руки лежавшее на кровати ружье. Оно пахло машинным маслом и сгоревшим порохом.

«Ирина молодец, не побоялась выстрелить в уголовника. Это очень трудно сделать. Первый выстрел в человека, это шаг в другой мир, зато потом все пойдет, как по маслу. Вот только ружье нужно спрятать. Если его найдут, то станут искать того, кто этой ночью следил за подъездом. А этого допустить нельзя».

Гарик сунул охотничье ружье под кровать, поправил подушку и повернулся лицом к стене.

«Я должен был его убить! Убить! – стучало в висках писателя. – А он остался жить! Второго такого шанса у меня не будет! Надо было добить Старкова. Всего один удар в горло, и о Казантипе можно было бы забыть навсегда, но ничего, мы еще с ним встретимся».

Неожиданно Гарик почувствовал, что летит в бездонную пропасть. Еще секунда, и он должен был разбиться, но в последний момент невидимая сила остановила полет и выбросила его назад, в Москву. И это уже не было сном. Теперь Гарик ясно видел людей, машины.

– Так бывает при отрыве тромба, – вспомнил он слова преподавателя медучилища Нижника. – Больной проваливается куда-то в яму, а потом приходит в себя.

– Нет, этого не может быть, – стал успокаивать себя Барский. – Это не инсульт, такое бывает и при сотрясении мозга, и после удара чем-то тяжелым по голове. У меня все в порядке, я все вижу и слышу. А вот, и он, «черный квадрат».

Гарик мгновенно успокоился. Теперь он мог говорить с героями своей будущей книги. А еще он читал чужие мысли и школьным ластиком стирал из памяти все, что касалось захвата заложников.

Тупик Чубайса, №13

Стрелки часов показали полночь в тот самый момент, когда писателю Маркусу Крыми наконец-то удалось остановить проезжающее мимо такси.

– Куда ехать? – приоткрыв дверцу, спросил пожилой узбек в клетчатой рубашке и тюбетейке на лысой голове.

– Тупик Чубайса, №13, – сообщил писатель.

– Первый раз слышу о такой улице, – недовольно произнес таксист. – А кто он, этот Чубайс, ученый, поэт, музыкант?

– Тупик Чубайса за Курским вокзалом, – пояснил Барский. – А кто он на самом деле, я не знаю.

– Значит, гастарбайтер из Окраины, – указав пассажирам на заднее сидение, произнес водитель.

Гарик, как истинный джентльмен, пропустил вперед свою давнюю знакомую, психолога из Краснолиманска Веру Самойлову. И сев рядом, спросил у водителя: «Почему из Окраины?».

– Так на Курский все поезда из Окраины приходят. И я так думаю, что человеком он был не совсем хорошим. Хорошими именами называют проспекты, улицы, а тупик, он и в Узбекистане тупик.

– У вас удивительная логика, – вмешалась в разговор психолог.

– Логика у меня нормальная, – обиделся гость столицы. – Я ведь не просто так спрашивал, кто он такой, а для того, чтобы узнать, где расположен «тупик Чубайса». Если он художник, то я открываю белый блокнот, если музыкант – серый, а если писатель, то красный.

– Чубайс и его четыре подельника Максим Бойко, Александр Казаков, Альфред Кох, Пётр Мостовой в конце 1997 года получили авансом по 90 тыс. долларов каждый от издательской фирмы за ещё не написанную книгу «История российской приватизации», – сообщила водителю Самойлова.

– Это ж какие деньги платят писателям!? – изумился таксист, умножая вслух гонорары соавторов «Истории приватизации» на цифру пять. – 450 тысяч долларов получилось. Да я за свою жизнь столько денег не заработаю.

– Какой он писатель? – возмутился Маркус Крыми. – Самый обыкновенный жу... Но произнести слово до конца не смог из-за приступа кашля.

«И чего это на меня кашель напал? – мысленно удивился писатель. – Может, аллергия на Чубайса и его подельников?».

«Это не аллергия, – успокоил его внутренний голос. – Просто Вера даты перепутала. Она рассказала о том, что будет в девяносто седьмом году, а до этого года доживут не все из тех, кто едет в этой машине».

После этих слов кашель тут же исчез. Пассажир посмотрел на тубетейку московского таксиста.

– Ты напрасно его оскорбить хотел, – как ни в чем не бывало, продолжил водитель. – Чубайс очень большой писатель, раз получил такие большие деньги за еще не написанную книгу. И теперь я знаю, где искать этот тупик Чубайса. Он в красном блокноте. Там у меня все улицы и памятники писателям есть. Открываю слова на букву «Че» – Чехов, Чаадаев, Чуковский. А вот вашего Чубайса тут нет. И что будем делать?

– Дописывать в блокнот, – улыбнулась Вера. Ей нравилось подкалывать малограмотного шофера из Узбекистана.

– Дописать-то можно, только вначале его найти нужно. Вот сейчас бабу на остановке спрошу про этого Чубайса, она старая, должна знать, где эта улица, где этот дом.

Водитель остановил такси, подошел к женщине и что-то долго ей говорил, размахивая руками. А когда вернулся, сообщил, что тупик Чубайса находится сразу за светофором.

– Бабка его совсем не любит, – покачал головой водитель. – Просто бешенный стал, как фамилию Чубайс услышал. А мне такие, как Чубайс, наоборот, нравятся.

– Чем они нравятся? – спросила Вера. Теперь она следила не за тем, о чем говорил водитель, а за его странным акцентом, который то появлялся, то внезапно исчезал.

– Один удар сделал, и всё, в дамках, – погладил себя по животу водитель. – Только у меня пока так не получается. Все, что ни делаю, – мимо кассы.

Вскоре водитель затормозил у первого подъезда тринадцатого дома.

– Гарик, я могу помочь тебе, – предложила Вера. Она держала Барского за руку и, не мигая, смотрела ему в глаза. С Гариком Вера знакома была еще с тех пор, когда он учился в медицинском училище и подрабатывал санитаром в Казантипской психбольнице, а аспирантка Самойлова лечила там больных при помощи гипноза и внушения наяву. С тех пор прошло много лет. 18-летний мальчик возмужал, повзрослел и стал писателем. Свои детективы он подписывал псевдонимом Маркус Крыми.

– Ты меня, что, опять гипнотизируешь? – недовольно спросил Барский.

– Нет. Просто я хотела помочь. У тебя, наверное, много вещей, – смутилась женщина, отводя в сторону глаза.

– Я сам все соберу. Мне помощники в этом деле не нужны, – резко мотнув головой, произнес Барский. Но тут же, сменив тон, продолжил:

– Я быстро. Одна нога здесь, другая там.

– Ты рукопись «Пятой колонны» не забудь, чтоб не возвращаться потом, – напомнила женщина.

– Не забуду.

– А вы, что, тоже писатель, как Чубайс? – пристально посмотрев на Гарика, спросил водитель.

– Писатель, – улыбнулся Барский. – Можешь называть меня Чубайсом. Я ж в его доме живу.

Покинув такси, Гарик направился к подъезду. Под ударами ветра старый дом стонал и скрипел, как древний старик, доживающий свои последние дни на этом свете. Лампочки над входной дверью не было. Ее вырвали вместе с плафоном местные алкаши. Темно было и в подъезде. Гарик поднялся на третий этаж. В этот момент из-за тучи вышла полная луна, заливая мертвым светом старый дом и заросший кустарником двор. Сквозь разбитое окно лунный свет проник в подъезд, осветив исписанные краской стены и обшарпанную деревянную дверь. Гарик быстро провернул ключ в замке. Дверь, жалобно скрипнув,пустила постояльца внутрь. Барский включил свет и осмотрелся по сторонам. В полупустой комнате центральное место занимал старинный дубовый письменный стол с пишущей машинкой «Москва». Там же лежали две картонные папки, исписанные листы бумаги и карточки с именами героев очередного детектива. Гарик открыл картонную папку, пересмотрел собранные в ней фотографии.

– Вроде бы все на месте, – чуть слышно пробормотал Барский.

На фото Гарик был запечатлен со своими бывшими подругами и друзьями из Казантипа, Приморска и таежного поселка «Геолог». Их было немного. Барский не любил фотографироваться, а тем более кому-либо показывать свои фото.

«А на этих фото ни Веры, ни Алисы нет, – подумал он. – И откуда Вера узнала, что будет в 1997 году? А может, она и правда ведьма-предсказательница?».

На сбор вещей и документов ушло минут пять. Рукописи и папку с фотографиями Гарик уложил на дно рюкзака. На папки поставил спрятанную в футляр пишущую машинку «Москва». Весила она четыре килограмма, но в рюкзаке занимала много места. Сверху он бросил несколько рубашек, зубную пасту и электробритву. Застегнув рюкзак, Барский направился в прихожую, но потом вернулся и присел на диван.

– А ведь Вера меня предала, – пробормотал Барский. – Сначала втянула в эту историю с грантоедами, а теперь обещает познакомить с героиней романа «Пятая колонна».

Гарик подошел к окну, посмотрел на стоящую у подъезда легковую машину с «шашечками».

– Ядвига для ее грязных дел не нужен малоизвестный писатель. Она потребует уничтожить «Пятую колонну», я ей нужен для того, чтобы навсегда забыл эту тему. А если откажусь, то будет второй Казантип со стрельбой из пистолета или очередная встреча с сумасшедшим

врачом-психиатром, потому что мой роман напомнил ей о зеркале. Ядвига ненавидит свое отражение. Зеркало каждое утро говорит ей о том, что она уродина.

Гарик достал из рюкзака сигареты, закурил, не зная, что ему делать дальше. Тем временем луна скрылась за тучами, погрузив деревья и стоящие внизу машины в черную пустоту.

«Какой-то „черный квадрат“ Малевича. А что будет, если я соглашусь играть по их правилам? Уничтожу рукопись и за это получу грант от посольства США. После чего мне придется вместе с Верой создавать тоталитарные секты, готовить военный переворот на Украине, зомбировать толпу? Нет, такой футбол нам не нужен!», – мысленно повторил любимую фразу директора издательства «Ваш детектив» Алексея Македонского Барский.

Через минуту, приняв решение, Гарик, забросил на плечо рюкзак, бесшумно открыл входную дверь и по-кошачьи, тихо, стал подниматься наверх. На пятом этаже давно не мытая лестница вела на чердак. Ржавый железный люк был замотан тонким телефонным проводом. Закрывать на замок выход на чердак никому не приходило в голову. Гарик вытащил из кармана рюкзака охотничий нож, перерезал провод и оказался на заваленном мусором чердаке. Здесь хозяйничали крысы. Услышав шаги, они разбежались по норам. Крыс Барский не видел, но чувствовал, что они где-то рядом. Вслед за писателем по стенам и потолку ползла его причудливая черная тень.

– Подходящее место для фильма ужасов, – пробормотал он, не выпуская из рук нож. – Сюда бы еще стаю летучих мышей и мрачную сову со стеклянным глазом.

Через несколько минут Барский добрался до крайнего окна, подтянувшись на руках, он вылез на крышу и осмотрелся по сторонам. Внизу, у подъезда, стояло такси с работающим мотором. Гарик сунул нож в карман рюкзака и, разогнавшись, прыгнул на соседнюю крышу. Его прыжок оказался не совсем удачным. Он приземлился в пяти сантиметрах от края крыши на каменное ограждение, повредив голеностоп.

– Не фигу себе, – с ужасом посмотрел с крыши многоэтажки на асфальтовую дорожку Барский. – Каких-то пять сантиметров, и летел бы черным лебедем двадцать метров вниз. Потом менты признали бы меня самоубийцей из-за того, что от меня сбежала жена. А как еще объяснить этот прыжок? Ну, не придет же никому в голову абсурдная мысль о том, что я по крыше среди ночи бежал от своей бывшей любовницы.

«Придёт, еще как придёт, – неожиданно услышал Барский мужской голос в своей голове. – И не бойся меня, я не глюк, я твое второе «Я».

– А я и не боюсь, чего мне тебя бояться, – ответил Гарик.

«Ты сегодня крупно лоханулся, – продолжил голос. – Об этой квартире никто не знал. Ее снимал какой-то старик с седой бородой. Хромой, старый и никому не нужный. Ты же у нас лицедей, любишь изображать других людей не только в книгах, но и в жизни. У тебя и сейчас в рюкзаке лежит парик».

– Ну и что?! – отмахнулся от мужика Барский. – У каждого свои недостатки.

«Актер, натуральный актер, – с издевкой произнес голос. – Только все твои переодевания и парики пошли коту под хвост. Фамилия в паспорте у старика была Фролов, а не Барский. Ты мог бы не привозить сюда Веру, потому что об этой квартире никто не знал».

– Точно, – продолжил странный разговор Гарик. – Об этой квартире никто не знал.

«Тогда возникает в твоей пустой голове вопрос: зачем ты привел сюда Самойлову? Может, ты хотел полюбить ее, как тогда, в молодости, а потом струсил? Одно дело любить молодую, никем не тронутую аспирантку, и совсем другое – страстную сорокалетнюю даму. Скажи правду, испугался?».

– Ей лет тридцать, тридцать пять, – механически возразил Гарик.

«Пусть будет тридцать, – быстро согласился голос. – Это ничего не меняет. Ей нужен молодой, сильный мужик, от которого она бы сходила с ума каждую ночь, а ты на такие подвиги уже не способен. От тебя собственная жена сбежала к Старкову».

– Никуда она не сбегала! Старков насильно удерживал Ирину в ЗАГСе. Если б я не опоздал, то ничего бы не случилось.

«Блажен, кто верует, – расхохотался голос. – Я только одно не пойму, если ты не боишься сорокалетних дам, то почему бежишь от Веры? Она говорит, что воспитывает твоих детей. А может, ты ее считаешь ведьмой?».

– Какая из нее ведьма!? На Патриарших прудах она предлагала мне начать жизнь с чистого листа, – неуверенно возразил Барский.

«Лучшего места для объяснения в любви с ведьмой в Москве не сыскать!» – расхохотался голос.

– Она не ведьма, она – женщина, врач, психолог, и на ней был маскарадный костюм из «Детского мира».

«Ну, если она не ведьма, то тебе надо вернуться к ней и от души полюбить, как тогда в Казантипе».

– У тебя одно на уме, глюк позорный, – повысил голос Барский.

«У меня на уме то же, что и у твоей Веры, и всех женщин Казантипа, – возразил голос. – Ты бы хоть раз в жизни послушал, о чем они думают. Это же кошмар, ужас! Да они каждого мужика примеряют к своей постели».

– Все, у тебя крыша поехала, – возмутился Гарик. – Вали отсюда, пока жив. Мне такое второе «Я» больше не нужно!

«Странный ты человек. Я тебе помочь хотел. Мысли оживил на два голоса, чтобы все стало на свои места. А ты угрозишь мне, ругаешь!».

После этих слов в голове наступила мертвая тишина. Мужской голос исчез, и Гарик уже сам продолжил искать выход из создавшегося положения.

Писатель, стараясь не шуметь, прошел по крыше на противоположную сторону дома и, присев возле пожарной лестницы, достал из кармана рюкзака седой мужской парик и вылинявшую старую штормовку. В таких куртках горные вершины туристы покоряли лет двадцать назад. Абалаковский рюкзак из-за пишущей машинки казался огромным.

– Черт, я из-за этой «Москвы» чуть не убился, – неожиданно осенило Барского. – Я же вначале собирался на такси ехать, вот и сунул ее в рюкзак, а когда прыгнул, она меня и потащила вниз.

Вера сидела в машине на заднем сиденье, нервно постукивая пальцем по обшивке переднего кресла. Временами она бросала взгляд на единственное освещенное окно пятиэтажки.

Минут через пятнадцать водитель, обернувшись, напомнил: «Уважаемая, мне в парк пора. Может, поторопите своего Чубайса?».

Вера молча выскочила из машины и быстрым шагом стала подниматься по лестнице. Дверь в квартиру, из-под которой выбивался свет, оказалась приоткрытой. Женщина резко толкнула ее вперед и, оказавшись в коридоре, крикнула: «Гарик, ты где?».

Ответа не последовало, лишь только на кухне слышалось шипение плохо закрытого крана.

– Гарик! – повысила голос Вера, открывая дверь в комнату. Но Гарика там не оказалось. Не было его и на кухне, и в ванной.

– Этого еще не хватало?! – удивленно пробормотала Вера, еще раз осматривая квартиру. – Он же из подъезда не выходил.

Вера выскочила из квартиры и стала подниматься вверх. Увидев приоткрытый люк, она пролезла на чердак, но, наступив на крысу, в страхе бросилась назад. Перепрыгивая через две ступени, Вера через несколько минут оказалась в «такси».

– Ну и где ваш друг? – поправив на голове тубетейку, недовольно спросил водитель.

– В квартире его нет. Я могла с ним разминуться. Вы не видели случайно кого-нибудь, выходящего из подъезда?

– Никто из подъезда не выходил. Тут вообще никого не было, кроме старого бомжа у мусорного бака. Но он подошел к нему из-за угла, – проговорил водитель уже без акцента.

Вера протянула водителю деньги.

– Езжайте, я остаюсь.

– погоди, – сунув деньги в карман, остановил женщину водитель. – Я умную мысль сказать хочу. Я бы тоже от тебя сбежал.

– Ты!?! – удивленно посмотрела на шофера Вера.

– Не люблю навязчивых баб, которые смеются над мужчиной. Ты ж ему выбора не оставила. Вот и сбежал от тебя Чубайс. У нас в Ташкенте так женщины себя не ведут.

Водитель повернул ключ зажигания.

– Да кому ты нужен, гастарбайтер! Езжай в Узбекистан и жену свою жизни учи, – крикнула Вера, направляясь к мусорному баку. Но там никого уже не было. Женщина осмотрела прилегающую территорию, вышла на пустынное шоссе и минут через сорок вернулась в квартиру, которую снимал в Москве Гарри Барский. В квартире его тоже не было.

– Самоуверенная дура, – чуть слышно произнесла Вера, наливая себе чай на кухне. – Мне надо было пойти за ним, и полюбить его в этой квартире. После ночи любви он бы остался со мной навсегда. А теперь ищи ветра в поле. Ядвига меня убьет. Там, в подвале, я спасла его от Старкова, но это еще как-то можно объяснить. А вот его побег из квартиры – мой личный прокол. Это ж надо такое: от меня любимый мужчина сбежал из-за того, что навязывалась ему в жены. Это даже таксист заметил. Теперь искать Гарика по всей Москве придется.

«Хулиганы» из ЦРУ

Гарик видел Веру, выбегающую из подъезда, и слышал ее разговор с таксистом.

– Хорошо узбек уделал, – неожиданно стал на сторону таксиста Барский. – А ведь он прав. Она все это подстроила: и драку, и похищение моей жены. Она хотела доказать, что Ирина меня не любит и предаст в любой момент.

Гарик сделал паузу, он хотел услышать комментарий от своего второго «Я», но МУЖСКОЙ ГОЛОС молчал.

– Сказать нечего, – поддел писатель того, кто только что лез к нему со своими советами. – Ну, скажи что-нибудь. Оправдай Веру. Молчишь, значит, я прав. И никакое ты не мое второе «Я». Ты глюк! Самый настоящий глюк, который появляется в минуту опасности на волне страха. Ты уже ко мне приходил в прошлой жизни, в ИВС, и сейчас нарисовался, когда я чуть не сорвался с крыши. А там-то метра три было между домами, не больше. Для меня это семечки. В армии в длину я на шесть метров прыгал! На шесть! В два раза больше! И если бы не рюкзак, то я бы приземлился на крыше, как планировал.

Мужской голос молчал и никак не проявлял себя. Гарику показалось, что он исчез из его головы вместе со страхом.

– Ладно, черт с тобой, живи! – чуть слышно пробормотал Барский. – Куда же мне теперь идти? Может, навестить Старкова в больнице?

«Правильное решение, – услышал Гарик в своей голове знакомый голос. – Убей Старкова! Повесели старика. Он от тебя не отстанет. Ну, чего остановился?! Ты же сам знаешь, что Старков шизофреник. Он вплеп тебя в свой бред, и это не лечится. Это сверхценная идея, мания, галлюцинация, бред отношения. Ты же в психушке работал и сам все знаешь. Старкова надо убить, прямо сегодня, сейчас!».

– Ты, что, дурак!? – возмутился Гарик. – Я никогда никого не убивал!

«А в книгах?» – не отставал мужской голос.

– В книгах не считается, – стал объяснять Барский. – Каждый писатель имеет право на убийство своего героя. Это же детектив. Закон жанра. На первой странице труп, а дальше расследование. Сыщики, преступники, жертвы...

«У нормального писателя на первой странице труп, и всё! А у тебя в каждой книге десять покойников. Десять! В каждой книге! Ровно десять. Почему так?» – зашипел МУЖСКОЙ ГОЛОС.

– Я никогда их не считал. Надоел герой, и я сметал его с шахматной доски. А что ты прикажешь делать с героем, образ которого не развивается, и он своим присутствием тормозит сюжет?

«Ты бы мог отправить его в командировку или вернуть на историческую родину».

– Какая родина? Какая командировка? Это ж игра, выдумка, фантазия автора. Я же пишу детективы, а не исторические хроники.

«Вот и прекрасно, – неожиданно легко согласился невидимый собеседник. – Давай продолжим игру в сыщиков и убийц. Прямо сейчас ты идешь в больницу. Заходишь в палату и отключаешь аппарат искусственного дыхания, к которому подключили Старкова. Тебе не придется его душить и убивать. Это минутное дело, выдернуть вилку из розетки, и всё».

– Я подобными вещами заниматься не буду никогда, потому что я – писатель, который придумывает детективы, и в эту историю я вляпался по глупости.

«Конечно, ты ни в чем не виноват. К тебе пришла женщина и попросила написать книгу про ЦРУ, – перешел на таинственный шепот голос. – И ты ее написал, только книга твоя не понравилась ни сотрудникам ЦРУ, ни самим грантоедом – героям вашего времени».

– Ты опять врешь. Как могла не понравиться еще не изданная книга? – возмутился писатель.

«Очень просто. Я Пастернака не читал, но, как и весь советский народ, осуждаю отщепенца и негодяя».

– При чем тут Пастернак?!

«Похоже, ты так ничего и не понял. Теленок не может бодаться с дубом. Да они тебя в порошок сотрут! И рукопись ты от них не спрячешь! Считай, что ее уже нет! Только ты об этом никому не говори. Это государственная тайна».

Гарик оглянулся по сторонам в надежде увидеть того, кто только что с ним беседовал. Но на крыше никого не было. Хотя нет, в десяти метрах от него сидел большой черный кот. Он умывался. Умывался без воды, лапами.

«Это к письму, – вспомнил Гарик слова маленькой тощей соседки Нюры, которая каждое утро в общем дворе на Приморской улице бесплатно толковала сны и приметы каждому желающему. – Мне только Нюры здесь еще не хватало. Врала она все и про сны, и про приметы».

Гарик сделал мхатовскую паузу, но реплики от его второго «Я» – не поступило.

– Ты, что, и правда, ушел? – громко спросил Барский, разглядывая кота. Голос промолчал. Гарику показалось, что черный кот подмигнул ему левым глазом. Барский протер глаза, а когда открыл их, кота не увидел, будто его и не было там никогда. – Ну, и черт с вами. Умерла, так умерла! Это от страха. Я высоты испугался. А с головой у меня все в порядке.

Неожиданно Барский осознал, что беседует сам с собой. Такое бывает у многих, но никто в этом не признается. Гарик облегченно вздохнул. Он боялся галлюцинаций и мужских голосов в голове.

– Надо идти домой, – принял решение Барский. – Если Ирина дома, то мы с ней помиримся. Она слабая женщина. Испугалась, поддалась на уговоры похитителя. К тому же, Стар-

ков опытный гипнотизер, и тут, как говорят, талант не пропьешь. Да и опасная бритва в руках душевнобольного – серьезный аргумент. Не каждый санитар пойдет на бритву, а тут женщина, художник-модельер. Да еще в такой день! Она же целый год к нему готовилась, платье свадебное надела. Всё решено. Я иду домой! – резко махнул рукой Гарик. – В конце концов, она любила меня.

«Тебя убьют возле подъезда! – предупредил мужской голос. – Поэтому я с тобой никуда не пойду. Представляешь, сегодня нам с тобой не по пути! Да и с луной не порядок, светит, как сумасшедшая. Полнолуние в Москве, полнолуние. Время дьявола и его свиты».

– Какая чушь, – возмутился Гарик. – Если б я такой диалог включил в свой роман, то меня бы прокляли театральные критики. Стоп, при чем здесь театр. Я не имею никакого отношения к театру. Я всего лишь писатель. Короче, я ухожу!

Приняв решение, Гарик направился в сторону дома, где они жили вместе с Ириной. Когда до улицы Гайдара оставалось метров пятьдесят, Барский увидел на крыше шестьдесят шестого дома рекламный плакат мясокомбината имени Мичурина, на котором была изображена плетеная корзина с вываливающейся из нее вареной колбасой.

– Надо убрать это безобразие с крыши. Придумали идиоты: «Мичуринские колбасы», Мичурин вообще не по этой части, – недовольно пробурчал Барский. – Мичурин фрукты выращивал, новые сорта яблок создавал.

– У вас закурить не найдется? – услышал Гарик хриплый простуженный голос. Перед ним стояли три мужика-строителя в касках и рабочих перчатках.

– Нет, – добродушно расплылся в улыбке Гарик. – Для того, чтобы пройти в библиотеку, вам нужно обойти это здание по дорожке и войти во второй подъезд. Библиотека – первая дверь налево.

– Ты чего, – удивленно уставился на Барского строитель. – Какая библиотека?

– Библиотека имени Бонч-Бруевича. Очень хорошая библиотека, рекомендую.

– Ты что несешь? Я у тебя закурить попросил, – хватая за лямку рюкзака, заорал двухметровый строитель.

– И я о том же, – улыбнувшись, произнес Барский. В следующую секунду он нанес молниеносный удар стоящему прямо перед ним строителю по правой ключице. Мужик взвыл от боли, схватившись за руку, и тут же получил сильнейший удар в пах коленом.

– Кого еще в библиотеку послать? – отскочив от любителя бесплатных сигарет, спросил Барский.

На Гарика тут же набросились дружки избитого им строителя. Но им тоже не повезло. Два сильнейших удара в ключицу решили исход драки в пользу Барского. Его противники катались по земле, завывая от боли.

– А теперь, голуби залетные, говорите, кто вас прислал сюда?– заорал писатель. – Кому мой рюкзачок понадобился?

Но услышать ответ ему так и не удалось. Кто-то подкрался сзади и сильнейшим ударом сбил писателя с ног. Потом его стали бить ногами по лицу. После чего с Гарика стащили рюкзак, и все затихло.

Наркотики для Казантипа

Казимир Бжежинский лежал на диване в строгом черном костюме и нервно курил. Рядом с ним на подносе стояла початая бутылка виски и хрустальная рюмка. Сутулый, среднего роста, сорокалетний мужчина в роговых очках с толстыми стеклами был похож на ученого. И это было недалеко от истины. Казимир Бжежинский преподавал психологию в Варшавском университете, но основная его работа была связана с разведкой. Последние годы Бжежинский по заданию ЦРУ вместе со своей супругой Ядвигой создавал на Окраине тоталитарные секты и общественные организации, которые изнутри должны были развалить СССР и независимые республики. Кроме этого, Бжежинский наладил поставки наркотиков для «золотой молодежи», которая приезжала в Казантип на музыкальный фестиваль.

Настойчивый междугородний телефонный звонок заставил его подняться с дивана.

– Слушаю, – сняв трубку, проговорил Казимир.

– Ты еще не повесился? – послышался злобный женский голос.

– Нет. Вы не туда попали, – спокойно ответил Казимир.

– Я попала туда, куда целилась! – заорала женщина. – Докладывай, Бжежинский, как тебе удалось провалить такое простое дело.

– Вначале все шло по плану. Старков захватил в заложники жену Барского и повез ее в ЗАГС. При помощи опасной бритвы он убедил городские власти выполнить все его требования. Их расписали в присутствии двух десятков журналистов. Потом в зале торжеств появился Барский в дьявольском плаще и в маске. Он попытался освободить заложников, но Старков пустил в дело вторую бритву, и ему удалось отбиться от дьявола.

– Это я уже видела в теленовостях Би-Би-Си, – грубо оборвала рассказчика женщина. – Дальше что было? Почему Старков не выполнил задание?

– А об этом ты у ведьмы спроси. Старков наверняка убил бы Барского, если б она не вмешалась.

– Так это Вера спасла ему жизнь? – уточнила женщина.

– Да, и я тебя, Ядвига, предупреждал, что Самойлову нельзя отпускать в Москву. И вот результат: Старков с тяжелыми травмами попал в больницу, а Самойлова целуется с Барским на Патриарших прудах, – возмущенно произнес Бжежинский.

– Откуда узнал о поцелуях?

– Добрые люди настучали. Я «наружку» приклеил к ним.

– Дальше что будешь делать?

– В расход пушу твоего несостоявшегося любовника.

– Сам лично решишь вопрос, или по старой традиции – чужими руками? – уточнила женщина.

– Утром узнаешь, – недовольно буркнул Казимир.

– Только Самойлову не тронь. Она нам еще пригодится для работы с сумасшедшими сектантами. И не пытайся ее затащить к себе в постель! Узнаю, убью! И еще, ты «красную папку» мою не видел?

– Папку с отчетами?

– Да, на ней химическим карандашом было написано: «Мажор».

– Когда я уезжал, она в столе лежала. Там же вся документация по «золотой молодежи».

– Я уже весь дом перевернула, ее нигде нет.

– Ядвига, ищи. Иначе нас с тобой ЦРУ похоронит в один день без духового оркестра и красивых слов у могилы.

Ночная любовь

Проснулся Барский часа через три оттого, что его грудь и живот ласкала жена. Гарик прикрыл глаза и притворился спящим, но потом не выдержал и усадил женщину на себя.

– Тебе хорошо было со мной? – спросила она через некоторое время.

– Да, – чуть слышно произнес Гарик. – А я думал, что больше не увижу тебя. Ты же к бывшему вернулась. В больницу к нему ходила среди ночи.

– А еще я полюбила его в машине, так, как тебя сейчас.

– И ты об этом мне спокойно говоришь? – возмутился Гарик.

– А почему бы и нет? – помрачнела Ирина. – Я решилась на это после разговора со своим доктором. Мой гинеколог была в восторге от тебя.

– Тебе звонила Гелла?

– Да, у нас был договор не скрывать ничего друг от друга. А секс с бывшим мужем изменой не считается. Это всего лишь повторение пройденного. Мне продолжать?

– Нет.

– Ну, тогда я пошла в ванную, а ты медитируй на свою Геллу, и на меня больше не рассчитывай. Любовь прошла, увяли помидоры. Я возвращаюсь к своему первому мужу.

«Это ж надо, у них договор был, а мне доктор божилась, что не скажет Ирине ничего. Верь после этого женщинам, – мысленно возмутился Гарик. – Теперь получается, что я ей первый изменил, а не она мне. А может, Гелла таким образом хотела меня женить на себе? После этой измены с Ириной жизни не будет. Она этой Геллой будет попрекать всю оставшуюся жизнь. А тут еще ее бывший муж с голыми руками на бритву пошел, пытаясь спасти любимую женщину. За что и бит был Старковым. Теперь он с переломом ключицы лежит в травматологии и ждет, когда Ирина заберет его обратно в свою семью. А уж как обрадуется его бывшая теща. Еще бы, в семью вернется ее любимый зять, обстоятельный, проверенный, надежный. Он и табурет починить может, и унитаз. Не то что писатель с мутной биографией, в которого какой-то псих стрелял на Казантипе. А уж после вчерашнего похищения дочери пощады от тещи мне не видать, как собственных ушей».

Ночь в чужой постели

В пять утра в съемной квартире, где еще недавно жил Барский, раздался телефонный звонок. Вера быстро сняла трубку.

– Гарику трубку передай, – услышала она мужской голос.

– Нет его здесь, – ответила Вера.

– И что ты делаешь в его постели? – продолжил расспросы мужчина.

– Сплю я тут! – повысила голос Вера.

– Спишь, а в это время наши люди страдают в травматологии от жуткой травмы. Ты меня, что, не узнала? Меня Казимир зовут.

– Узнала, что вам надо? – ответила Вера.

– Барский переломал кости троим мужикам-строителям.

– И чем я могу им помочь?

– Помогать им не надо. Ты должна сегодня же отыскать Барского и найти рукопись «Пятой колонны». Повторяю, найти, а не уничтожить. Я ее должен видеть собственными глазами.

– И где она может быть?

– У твоего любовника. Вчера возле подъезда, на улице Гайдара, 66, где Барский проживал со своей супругой, на него напали пьяные хулиганы. Так вот, он, переломав им кости, скрылся в неизвестном направлении.

– Он им тоже по ключицам бил? – спросила Вера.

– Да, всем троим. Ночью пострадавшим делали операции. Они только что сообщили о ЧП.

– И что я должна делать?

– Искать Барского, а не предаваться воспоминаниям в его кровати. Неужели непонятно? Начни с Гайдара, 66. Он может прятаться в своей квартире.

– Хорошо, сейчас приведу себя в порядок и поеду в гости к любимому. Это всё?

– А теперь, скажи, почему ты ночью не поехала за ним на вторую квартиру?

– Зачем мне к нему ехать, если он сбежал от меня, как последний трус. Даже если б я его нашла, он не стал бы со мной говорить.

– Почему?

– Потому, что он посчитал меня излишне навязчивой, – пояснила Вера.

– Ядвига звонила. Она в бешенстве!

– Я тоже. Барский не будет играть по вашим правилам.

– Ну, тогда он и жить не будет! – заорал Бжежинский. – Ты объясни этому идиоту, с кем он связался. Мы казантипской мафии хребет сломали! Теперь они работают на нас. И с Барским поступим так же. Он будет или с нами, или на кладбище!

Аврал в издательстве

На следующий день после похищения жены Маркуса Крыми в издательстве «Ваш детектив» телефон звонил не переставая. Вначале секретаря Олю осаждали журналисты, которым позарез нужно было встретиться с автором детективов. Ольга записывала номера телефонов звонивших в амбарную книгу и обещала сообщить писателю о том, что у него хотят взять интервью журналисты из «Желтой газеты», «Известий», «НЛО» и даже «Воры в законе». Представитель издательского дома «Воры в законе» заверил Ольгу в том, что его издание самое влиятельное в определенных кругах и им нужен непременно эксклюзив. Ольга ни с кем не спорила, обещала поговорить, устроить, найти и передать автору номер телефона. Потом пошли звонки от крупных издательств. Они предлагали уступить права на издание книг Маркуса Крыми. Эти звонки Оля перенаправляла директору «Вашего детектива». Бывший спортсмен двухметровый толстяк Алексей Македонский не спеша снимал трубку.

– Слушаю, – говорил он величественным басом.

– Вас беспокоят из издательства «Красный пролетарий». Мы бы хотели выкупить у вас права на издание книг Маркуса Крыми. Мы хорошо заплатим, – зачастил мужской голос на другом конце провода.

– И с какого бодуна я буду продавать вам права на издание книг моего друга Маркуса Крыми? Три года назад он посылал вам свою рукопись, а вы его послали. Говорили, что его детективы не актуальны, традиционны и не вызовут интереса у читателей.

– Вы же понимаете, ситуация изменилась, – продолжал представитель издательства.

– Но его книги не изменились. Они такие же неактуальные и традиционные. Так что извините, ничем помочь не могу.

– Погодите, мы заплатим хорошие деньги, – не отставал собеседник. – Я пришлю к вам своего юриста.

– А мне крючкотворы здесь не нужны, – закричал Македонский, бросая трубку. – Да я о таком ЧП всю свою жизнь мечтал! «Сумасшедшую любовь» мы издадим стотысячным тиражом, в твердом переплете. Это же надо такое: все газеты теперь пишут о писателе Маркусе Крыми. Все! Абсолютно все! Но главное, об этом ЧП говорят в новостях на центральных каналах телевидения. Специальную передачу о похищении его жены телевизионщики собираются снять. Это успех! Грандиозный успех, надо передать апельсины в больницу для этого сумасшедшего психиатра. Если бы не он, мы бы сами, как крысы, всей редакцией, грызли «Сумасшедшую любовь» на завтрак, обед и ужин и запивали бы этот литературный шедевр водой из-под крана!

Македонский выскочил в приемную и, увидев секретаршу, крикнул: «Оля, зови Кривулю на совещание, срочно! Что там с типографией?».

– Они требуют дополнительно денег за сверхурочную работу и скорость исполнения заказа, – сообщила секретарь. На ней была короткая юбка и нарядная блузка с яркими цветами, подчеркивающая ее узкую талию и большую упругую грудь.

– А в договоре это прописано? – насторожился директор, продолжая разглядывать секретаршу.

– В договоре никаких сверхурочных и доплаты за скорость нет.

– А что есть? – уточнил директор. – Я этих договоров сотни подписал, все не запомнить.

– Там стандартный договор с правом на допечатку тиража до двухсот тысяч экземпляров с 20-процентной скидкой. Вы же при подписании настояли включить этот пункт в договор, а типографские еще посмеялись, говорили, что наши книги обречены на пятитысячные тиражи. Мол, детективов уже море на рынке, и нам в этом бизнесе ничего не светит, – пояснила секретарь.

– Ты зацени, какой у тебя директор, – расплылся в улыбке толстяк. – Да если б я не добился включения этого пункта, они бы из меня сегодня веревки вили, а так я на коне и при деньгах. Если вы сработаете на все сто, гарантирую каждому участнику стопроцентную премию. Двойной оклад. Ты чувствуешь мою щедрость?

– Двойной оклад – это здорово, но есть проблема. Маркуса Крыми ищут не только журналисты, но и издатели. Они его могут перекупить. Мне тысячу долларов предлагали за его домашний адрес.

– И что, дала? – нахмурился директор.

– Нет. Я женщина честная, за «зеленные» не продаюсь. К вам послала, – гордо подняв подбородок, произнесла секретарша.

– Молодец, ты послала, и я послал на три веселые буквы. Ты смотри, что творится. Пока у этого писателя не украли жену, он никому и даром не нужен был. А тут, опомнились: Маркус Крыми восходящая звезда, король детектива! И все из-за того, что эти шакалы глаз положили на мои бабки, сейчас же книги без скандала не продашь, а тут не надо напрягаться. О таком скандале можно только мечтать. Но я своего автора не отдам этим проходимцам. У меня договор с Маркусом Крыми на десять лет. Он там обязуется в течение десяти лет все свои произведения публиковать только в нашем издательстве. Еще чем обрадуешь?

– К Кривуле приходили двое.

– Алкаши из «Просвиты»?

– Нет. Вполне приличные господа, без вышиванок, в костюмах и галстуках. На иностранцев похожи, с запахом дорогого одеколона, – сообщила секретарь.

– А с чего ты взяла, что они иностранцы? – пристально посмотрел на женщину Македонский.

– Они с акцентом говорили. Я хотела их с вами свести, но тот, который постарше, сказал, что им нужен Кривуля. И еще, они ушли от Кривули с большим толстым пакетом, похожим на рукопись.

– Они, что, из Львова? – продолжил расспросы Македонский.

– Нет. Я же говорю, иностранцы. Настоящие. Не прибалты, те секретаршам шпроты дарят, а начальникам «Рижский бальзам», а эти наших обычаев не знают. В дорогих черных костюмах с барсетками в руках из настоящей кожи, и часы у них были настоящие швейцарские, а не китайская подделка.

– А с тобой на каком языке говорили?

– На ломаном русском, с акцентом. А еще они заигрывать со мной пытались, в гости приглашали, – игриво улыбнулась секретарша. – Телефон просили.

– Этого еще не хватало. В гости приглашают! – взревел Македонский. – Срочно зови ко мне этого американского шпиёна. Я сейчас ему устрою кузькину мать! Случки с иноземцами в издательстве устраивает. А ты не вздумай никуда ходить. Знаю я этих иностранцев! Да еще в такой юбке. После работы пойдем в магазин, и я куплю тебе новую юбку, чтобы она колени закрывала, и блузку без декольте.

– Вам не нравится моя грудь? – обиженно поджала губы секретарша.

– Нравится и грудь, и все остальное. Но здесь не Тверская! С завтрашнего дня в издательстве дресс-код вводим: черные юбки ниже колен и белые блузки с галстуком для женщин. А мужчины на работу должны приходить в строгих костюмах с галстуками. Запомни, Оля, ты работаешь в ведущем издательстве страны. Сегодня на нас смотрит весь мир. Только за последний день о нашем издательстве 120 упоминаний в газетах. Мы признанные лидеры в отрасли, самое популярное издательство в мире. А тут ты своей грудью иноземцев соблазняешь! Нет, такой футбол нам не нужен! Кривулю зови, я ему сейчас устрою дом свиданий!

Секретарь Оля осталась довольна разговором с директором. Таким он ей нравился больше. Да и обстановка в издательстве за одну ночь коренным образом изменилась. Вчерашние сонные мухи просто «горели на работе». Даже курьер пенсионер Митрич буквально летал по городу с казенными бумагами в руках. И только один человек не проявлял должной активности. Степан Кривуля сидел в своем кабинете с кислым выражением лица. Он открыто ненавидел Маркуса Крыми.

Пожар на улице Гайдара

Ирина вышла из ванной и направилась на кухню.

– Ты кофе будешь? – спросил она.

– Я бы поел чего-нибудь.

– К чашке кофе могу предложить бутерброд с «Докторской» колбасой.

– Давай твоих докторов, уж больно кушать хочется, – пошутил Гарик.

– А ты не разлеживайся здесь. Сейчас журналисты наедут, мало не покажется, они всю ночь звонили. Пришлось телефон отключить.

Гарик подошел к окну.

– Беги, они тебя уже ждут, – показал он на стоящую у подъезда иномарку с надписью «Pressa». – Камеру поставили.

– Это Би-Би-Си, – определила Ирина. – И что делать? У меня нет никакого желания с ними общаться.

– Тогда иди на рыбалку, если не хочешь говорить с журналистами.

– Что ты сказал? Какая рыбалка?

– У меня плащ есть офицерский и удочки. Могу загримировать под мужика.

– А на ноги что я надену?

– Кроссовки.

Гарик достал с верхней полки шкафа рыжую бороду и мужской парик.

– Давно я хотел из тебя мужика сделать, – пробормотал он, надевая на жену мужской парик. – Вылитый сосед-пьяница. Теперь бороду приклеим, брови. Плащ. Класс. Рыбак один к одному. И накомарник возьми. Он не только от комаров спасает, но и от любопытных граждан. Короткую дорогу к вокзалу знаешь?

– Направо через кусты, а там по дворам. Я ходила по ней к вокзалу.

– Своим позвони оттуда, чтоб не волновались, а еще лучше пересели их на время, пока шумиха не закончится.

– А ты что будешь делать?

– Завтракать. Кушать очень хочется.

Ирина осторожно приоткрыла дверь. На лестничной площадке никого не было. Она хотела спуститься вниз, но потом передумала и поднялась на два этажа вверх. Ирина боялась, что репортеры остановят ее у входа, и она не сможет сыграть роль рыбака. Через мутное окно в подъезде женщина увидела подъехавшую к дому вторую машину с крупными буквами на крыше «PRESSA». Минут через десять снизу потянуло дымом. Ирина громко закашлялась, на третьем этаже кто-то закричал: «Пожар! Горим!» И тут же хлопнула дверь ее квартиры. На лестнице появилась узкоглазая старуха в бигудях, с ярко раскрашенным лицом, в мужских туфлях на босу ногу. Старуха была похожа на японскую гейшу с цветного календаря. В правой руке она держала горячую сковородку с яичницей, а в левой мешок с вещами.

– Горим! – визжала на весь дом старуха. – Спасайся, кто может! Пожар!

Через минуту на площадке перед домом появились первые погорельцы.

– В пожарную звоните! В пожарку! – кричали они, показывая на горящий балкон. Ирина побежала вниз, вслед за старухой.

– Я яичницу жарила, а тут балкон внизу как загорится! – кричала женщина противным скрипучим голосом. – Ну, я и побежала вниз со сковородкой.

Оказавшись на улице, она подбежала к телеоператору Би-Би-Си, и с криком «Держи глазунью!» сунула ему в руки горячую сковородку. После чего понеслась по тропинке куда-то вверх.

– Ну, Гарик, ну, артист! Такое придумал, – чуть слышно произнесла Ирина, направляясь вслед за ним по тропинке. Она хотела догнать «женщину в бигудях», но та куда-то пропала.

Убить Македонского!

– Вызывали? – просунув голову в приоткрытую дверь, спросил Кривуля.

– Проходи, Кривуля, проходи, – придиричиво осмотрев редактора, произнес Македонский. – Докладывай, что там, на торгово-рекламном фронте.

– Все идет по плану. Я передал двадцать книг «прикормленным» журналистам. Уже есть первые рецензии в центральных изданиях. Все положительные. Торговля готова внести аванс за половину тиража книги «Сумасшедшая любовь».

– И сколько они берут? – уточнил Македонский.

– На сегодня подписаны договора на пятьдесят тысяч книг, – ровным спокойным голосом продолжил Кривуля. – Кроме этого, за два дня распроданы практически все его детективы. Тысяч десять можно было бы допечатать.

– Детективы – это вчерашний день! – возбужденно забегал по кабинету Македонский. – Через месяц публика переключится на другой скандал, и мы должны быть готовы к этому. Короче, я подумал и решил запустить его «Пятую колонну» в авторской редакции, без твоих правок.

– Вы хотите опубликовать все, что Маркус Крыми понаписал о грантоедах и ЦРУ? – возмутился Кривуля.

– Всё! Без купюр! – плюхнулся в кресло Македонский. – Запятые расставишь и ошибки исправишь.

– Но это же неслыханный скандал! – повысил голос Кривуля. – Это же удар по основам демократии, по грантоедам и ЦРУ. Они же нас в порошок сотрут.

– Это я уже слышал, другие аргументы у тебя есть?

– Есть! Он же в этой книге обвинил американское посольство в том, что оно создает на Окраине тоталитарные секты и «пятую колонну» из шпионов-грантоедов! А это недоказуемая клевета. Господин директор, после такой книги вам же визу в Америку закроют.

– Да был я в твоей Америке, – скривился, как от кислого лимона, Македонский. – Там даже баб приличных нет. Пришлось со своими спортсменками форму ночами поддерживать. Короче, визы мне не нужны!

– А что же вам надо?

– Слава и деньги! Ты представляешь, какую волну поднимут на западе все эти демократические СМИ?! Да я стану героем дня! За такую книгу я бы на месте президента наградил директора издательства «Ваш детектив» Орденом мужества! Вспомни, тот, кто первым в СССР опубликовал Солженицына, стал всенародно известным. Редактора до сих пор хвалят за смелость и мужество.

– Сравнили Соженицына с Маркусом Крыми. Солженицын – это глыба. Его книги теперь в школах изучают. Он рассказал правду о КГБ!

– А Маркус Крыми рассказал правду о ЦРУ и грантоедах. Ни один писатель, ни у нас, ни за границей, на это не отважился!

– Правильно, потому что они умные люди, им посмертная медаль «За отвагу» не нужна, – продолжил Кривуля. – Да они убьют вас за эту книгу! Вот увидите. Да и президент у нас за дружбу с Америкой выступал.

– Ты меченного имеешь в виду, так его время уже ушло, а президент России – мужик боевой, он как Ленин с броневики речь держал во время путча.

– И бежать в посольство США собирался, когда припекло в Белом доме. Он не пойдет против ЦРУ и ничем вас не наградит. А уж его помощники и министры, так те вообще на прикорме в посольстве США стоят.

– Да не нужна мне медаль от Ельцина посмертная. Я жить хочу сегодня на все сто, не доживать, а жить! Жить так, чтобы молодым фору дать и у женщин глаза горели во время разговора со мной.

– Так у нашей секретарши и так глаза горят при вашем появлении в издательстве, – буркнул под нос редактор.

– Кривуля, ты что, совсем тупой?! – заорал директор. – Я не о секретарше с тобой говорю, а о женщинах! О женщинах-журналистках, которые будут брать у меня интервью. Я хочу, чтобы было всё так, как в моей юности, когда я только начинал спортивную карьеру. Ты бы видел, какими глазами на меня смотрели женщины, причем разных возрастов, от 16-ти до бесконечности. Они сами на мне висли и ничего за это не требовали! А сейчас все не то! Куражу нет, Кривуля, одна механика процесса осталась. А мне нужны глаза, огромные влюбленные глаза, как тогда, чтобы каждое слово мое ловили! Чтобы интервью писали со мной, а не с этим Маркусом Крыми, потому что я пошел ва-банк и опубликовал «Пятую колонну», невзирая на угрозы и смертельный риск быть убитым. Короче, Кривуля, тащи рукопись, и мы запускаем в работу «Пятую колонну».

– А у меня ее нет, – чуть слышно произнес Кривуля.

– Как это нет?! – вскочил с кресла Македонский. – Рукопись неси, грантоед хренов!

– Ее украли! Вчера еще в столе была, а сегодня пришел на работу, дверь в кабинет нараспашку и рукописи нет. Ее украли в мое отсутствие.

– И я тебе даже скажу, кто ее украл, два недоноска из «Просвиты», которые корчили из себя иностранцев перед Олей. На ломаном русском говорили, и часы швейцарские светили, чтобы мозги секретарше запудрить. А ну, колись, сука, кто приходил к тебе? – схватил за горло Кривулю Македонский.

– Они иностранцы, не с «Просвиты», настоящие. Мамой клянусь!

– И откуда они? – понизил голос до зловещего шепота Македонский.

– Из Канады, оба, – задыхаясь, прохрипел редактор. – Отпустите меня, я правду сказал.

Македонский брезгливо отшвырнул от себя Кривулю, поправил галстук, и как ни в чем не бывало, продолжил беседу.

– Вот, скажи-ка мне, львовский гастарбайтер, почему ко мне никакие иностранцы не ходят, а к тебе как на водопой всякие козлы прут бесконечным потоком? Что у тебя за дела могут быть с иностранцами? Я бы еще понял, если бы к тебе бабы табуном ходили, но чтобы мужики канадские? Ну, что ты им можешь дать?! А может, ты «голубой»?

– Как вы можете такое говорить, – обиделся Кривуля. – У меня жена бухгалтер, уважаемый человек. А я в бога верую. Это грех большой.

– Тоже мне, верующий нашелся! – продолжил Македонский. – Да если бы ты по-настоящему в бога верил, то заповедь «не укради» соблюдал. Ты рукопись этим канадцам отдал!? В глаза, в глаза смотреть!

– Нет, – стоял на своем Кривуля. – Ее украли.

– Значит, правду говорить не хочешь, ворюга, – перешел на крик Македонский. – Ну, что ж, будем разбираться с тобой в милиции. Это кража интеллектуальной собственности! Маркус Крыми на тебя в суд подаст, и ты заплатишь за роман миллион долларов. Но у тебя есть еще шанс. Верни рукопись, и я забуду наш разговор. Сутки даю, но если ее завтра не будет на моем столе, то тобой займется милиция. За этот роман Маркус Крыми тебя по судам затаскает. До конца жизни не рассчитаешься, – сжимая кулаки, пошел на Кривулю Македонский.

– А никто судиться со мной из-за «Пятой колонны» не будет! – отскочив в сторону от директора, крикнул Кривуля.

– Это почему же? – остановился Македонский, собираясь врезать редактору в челюсть.

– Потому что Маркуса Крыми вычеркнули из списка живых. Он умер. Его больше нет на этом свете.

– С чего ты взял? – удивленно уставился на Кривулю Македонский.

– За ним сотня журналистов гоняется по всей Москве, и найти не может. «Желтая газета» отрядила на его поиски своих лучших репортеров, деньги пообещали тому, кто укажет место, где он прячется. И ничего. Они все подвалы облазили, все больницы. Нет Маркуса, сгинул! Мало того, его жена Ирина вернулась к первому мужу. Вы себе можете представить, чтобы жена бросила мужа-миллионера?

– Так уж и миллионера, – недоверчиво посмотрел на Кривулю Македонский.

– Миллионера, потому что в договоре написано, что при тираже его книг от 50 тысяч и выше, автор получает 20 процентов от стоимости всего тиража. Вы же сами подписывали этот договор.

– Подписывал, потому что его книги выходили пятитысячным тиражом и потом месяцами в магазинах лежали. Вот и добавил я туда этот пункт, кто ж думал, что он станет таким популярным. Мне нужно было на десять лет привязать его к издательству. При малых тиражах он получал 1 процент от изданных книг натурой. Вот и приходилось ему писать по несколько детективов в год, чтобы премию получить за перевыполнение плана, – пояснил Македонский.

– Так и я вам о том же говорю, Маркус Крыми живой никому не нужен, ни жене, ни издательству, – заговорщицки подмигнул Кривуля.

– Ты кому подмигиваешь!? – дико вращая глазами, заорал Македонский. – Рано хорошишь, он еще тебя переживет. И гонорар я выплачу Маркусу весь до копейки, потому что договор дороже денег. Если я что сказал, то выполняю обязательно, потому что мужик сказал, мужик сделал! А ты, сука продажная, чтобы завтра мне рукопись вернул, всю до единого листочка! А не принесешь, задушу собственными руками!

Горячая сковородка для телеоператора Би-Би-Си

Джон Смит, тощий, двухметровый телеоператор с мясистым жирным носом держал в руках горячую сковородку, на которой шипела глазунья, а сам глазами выискивал в толпе своего коллегу. Наконец, он увидел корреспондента Би-Би-Си в фирменном жилете с надписью «PRESSA» и стал махать ему рукой.

– Ты все снял? – подлетел к нему Олег Есаулов, плотно скроенный тридцатилетний мужчина, с незапоминающимся лицом. В отличие от англичанина-оператора, корреспондент Би-Би-Си был из местных и говорил с иностранцем на русском языке, изредка вставляя английский слова.

– Я ничего не снял. У меня была в руках горячая сковородка. Подержи.

– На хрена тебе сковородка? – заорал корреспондент. – Толпу надо было снимать, выбегающую из подъезда. Откуда у тебя эта сковородка!? Выкинь ее на хрен!

– погоди, не кричи. Я все сейчас понял. Эту сковородку мне передал сумасшедший писатель. Он в бабу переоделся и убежал вверх по тропе.

– Джон, ты понял, что сказал? – спросил журналист. – Баба-писатель выскочила из подъезда со сковородкой в руках?

– Да, да, правильно. Он не просто баба, он гейша был с белым лицом и узкими глазами.

– Если гейша, то это меняет дело, – забрал у оператора сковородку журналист. – Надо было поймать его, гейшу эту, твою мать. Или меня позвать.

– Понимаешь, она горячая была, прямо с плиты. Я палец обжог даже. Но я не сразу понял, что это писатель-поджигатель.

– Чего? – удивленно посмотрел на оператора журналист.

– Он вначале поджог дом, а потом схватил сковородку и побежал на улицу вместе с толпой.

– Ты, что, хочешь, чтобы я это все передал в Лондон?

– Да, да, от него бензином воняло. Я сейчас сниму сковородку вместе с тобой.

– Ты хочешь, чтобы меня выгнали из БИ-БИ-СИ за профнепригодность?! Какая, на хрен, гейша, какая сковородка? Где видео? Где подтверждение из второго источника? Да они меня в порошок сотрут за такой репортаж.

– Есаул, погоди, – попытался остановить своего коллегу оператор. – Ты зачем в каждое предложение вставляешь этот овощ?

– Что я вставляю? – удивленно посмотрел на англичанина Олег.

– Я вчера специально смотрел словарь. Там написано, что хрен – это овощ. Сельскохозяйственная культура. А ты эту культуру в каждое предложение вставляешь.

– А хрен с бугра есть в твоём словаре?

– Нет, при чем тут бугор? – удивленно посмотрел на Олега оператор.

– При том, что ты и есть – этот хрен с бугра! – заорал журналист. – Полночи хату искали. Всех знакомых я на ноги поднял. Нашли, первыми приехали! Стой и снимай! А он сковородку с глазуньей взял подержать! И что мы сейчас в Лондон пошлем?

– Я хотел сейчас тебя снять на фоне дома со сковородкой в руках, чтобы ты рассказал о том, что тут случилось. И его тут искать уже не будем. Мы с тобой сейчас поедem по городу, и по дороге будем смотреть гейшу с мешком в руках из окна автомобиля.

– погоди, искать писателя в городе я согласен. Вдруг, повезет. Но говорить в камеру со сковородкой в руках я не буду.

– Почему?

– Потому, что эта тощая мымра, из «Новостей», сейчас же потребует твою гейшу. И что я скажу ей в ответ, что от гейши одна сковородка осталась?! И как ее мужики трахают, такую страшную?

– Ее не трахают, она карьеру делает на Би-Би-Си.

– Да у вас там, в редакции, ни одной симпатичной бабы. Они, что там, все на карьере помешены?

– Да, конечно, сначала надо имя сделать, а уже потом себе мужа искать. Но мы с тобой отвлеклись. Я тебя сейчас снимаю со сковородкой на фоне дома, после чего мы едем по Москве гейшу искать. У меня карта есть. Этот писатель далеко уйти не мог.

За пожаром на улице Гайдара внимательно наблюдала и неприметная женщина в джинсах и черном шелковом платке.

«Похоже, Гарик оказался умней, чем я думала. Сейчас журналисты начнут обсасывать в своих репортажах горячую сковородку с яичницей и забудут о том, кого искали», – подумала Вера.

Опознала она и его жену Ирину в рыбацком плаще. Бородатый мужик двигался неправильно, как-то неуверенно, по-женски. Журналисты в два счета могли бы раскусить ее, но помешала баба с яичницей. Вера вначале прислушивалась к разговору журналистов, а потом подошла к погорельцам. Жильцы дома пытались выяснить, кто поджог балкон, выдвигали разные версии, требовали создать комиссию «по хламу на балконах», ругали начальника ЖЭКа и почему-то премьер-министра правительства России. Но никому из них в голову не пришло, что дом поджег сбежавший от журналистов Маркус Крыми.

«На дачу он в таком виде не поедет, – подумала Вера. – В пригородной электричке к японской гейше тут же подойдет милиция с вопросами. Значит, он решил остаться в Москве. И я, похоже, знаю, где он завершит свой утренний забег.

Но идти за ним она не стала. Веру заинтересовал болтающийся за спиной рыбака солдатский вещмешок.

«Туда можно не только рукопись спрятать, но и кучу вещей. А Гарик не рискнул бы брать с собой „Пятую колонну“, – подумала женщина. – Если б его опознали возле дома, от журналистов и доброжелателей с дебильной внешностью „известный российский писатель“ уйти бы не смог. Поэтому, самое ценное он передал своей бывшей жене».

Вера вышла на дорогу, и, остановив проезжавшие мимо «Жигули», отправилась на Курский вокзал. Минут через тридцать сыщик-любитель засекла у пригородной кассы бородатого рыбака.

Бурная ночь со стриптизером

Гелла Дмитриевна Краснова после бессонной ночи отмокала в ванной. В воду она добавила морскую соль и итальянский шампунь с запахами моря. Вообще-то, ночное приключение она не планировала. Просто зашла в бар «Клубничка» немного расслабиться.

Гелла Дмитриевна прикрыла глаза и попыталась вспомнить, с чего все началось в «Клубничке». Выпив для храбрости, она пригласила стриптизера Тарзана на приватный танец, и он назвал цену за услуги.

– Тысяча долларов, и после работы я ваш.

– Я согласна, при одном условии, мы едем ко мне домой вместе. Здесь я заниматься этим не хочу.

– Домой, так домой, кто же против, – улыбнулся Тарзан.

В этот момент приятные воспоминания прервал громкий стук в дверь.

– Открывай, – противным голосом орала из-за двери женщина. – Ты мне квартиру затопила, уже вся комната под водой.

– Этого еще не хватало, – испугалась Гелла, выбираясь из ванны. – На полу сухо. Может, труба подтекает?

Гелла набросила на мокрое тело махровый халат и открыла дверь. В прихожую с криком влетала женщина в бигудях. Ее китайское лицо с узкими глазами было покрыто толстым слоем белил.

– Где он?! – завизжала женщина, закрывая входную дверь на ключ.

– Кто он? – опешила Гелла.

– Муж мой, Тарзан! – бегая по квартире, кричала женщина. – Так, в ванной нет, в туалете пусто, под кроватью никого. Ты его в шкафу прячешь?

– Вы что, с ума сошли, – наконец-то пришла в себя Гелла. – У меня никого нет.

Незваная гостья распахнула дверцы шкафа и побежала на кухню. Осмотрев кастрюли, она села на стул и приказала: «Борщ наливай, быстро! Кушать очень хочу».

– Какой борщ? – перешла на крик Гелла. – Ты кто такая?

Кто украл «Пятую колонну»?

Кривуля, дрожа от страха, выскочил из кабинета директора и побежал к себе.

– Надо что-то делать, – бубнил себе под нос редактор. – Македонский придурок, он и убить может. У него ручищи, как клещи. Задушит, и всё.

Кривуля остановился у своего стола, заваленного рукописями, вытащил из-под бумаг телефон и быстро набрал знакомый номер.

– Посольство США, – после четырех длинных гудков услышал он в трубке знакомый голос.

– Билл, это я, Кривуля. Тут страшный скандал. Македонский требует вернуть в издательство «Пятую колонну». Его секретарша видела, как канадцы что-то выносили из моего кабинета.

– Не трясись, Кривуля, – проговорил человек из посольства. – Сколько он хочет за рукопись? Все имеет свою цену.

– Ему деньги не нужны, – зачастил главный редактор. – Ему нужны глаза, огромные влюбленные глаза, как тогда, в юности, чтобы женщины ловили его каждое слово!

– Кривуля, ты с ума сошел, – резко оборвал его собеседник. – Я тебя просил назвать сумму, за которую Македонский продаст нам «Пятую колонну».

– Я же сказал, ему деньги не нужны, – продолжил Кривуля. – Я цитирую дословно. Македонский хочет, чтобы женщины-журналистки интервью писали с ним, а не с этим Маркусом Крыми, потому что он опубликует «Пятую колонну», невзирая на угрозы и смертельный риск быть убитым.

– Это сказал Македонский!?

– Да!

– Тот самый Македонский, который после телефонного звонка заменил «Пятую колонну» на «Сумасшедшую любовь»?

– Да! Да! Он убьет меня, потому что сошел с ума! Ему надо вернуть рукопись или... – сделал долгую паузу Кривуля. – Или убить!

– Убить? – удивился американец. – Я тебя правильно понял?

– Да, убить! Он унизил меня, обозвал львовским гастарбайтером, а завтра задушит, если я не верну рукопись.

– А ты, что, уже не львовский гастарбайтер? – уточнил сотрудник посольства.

- Он меня унизил этими словами. Я редактор издательства!
- Хорошо. Я подумаю, что мы можем сделать для тебя, львовский редактор издательства.

У Тарзана сумасшедшая жена

– Украинский борщ давай! – неожиданно забилась в истерике женщина. – Все соки из мужа высосала за одну ночь! Борщ наливай, борщ!

Гелла с ужасом смотрела на орущую бабу. Она и представить не могла, что у Тарзана сумасшедшая жена.

«Это же бред ревности, – неожиданно вспомнила врач-гинеколог лекции Старкова по психиатрии. – Такая и убить может. Ее надо успокоить, переключить внимание».

– Хорошо, я накормлю вас, – с трудом произнесла Гелла. – Но я хотела бы знать, с кем имею честь? Вы, собственно говоря, кто?

– Кто-кто? Сейчас узнаешь! – женщина сорвала с головы парик с бигудями и стала стирать белила с лица.

– Гарик, это ты? – рухнула на стул Гелла. – Ты что тут устроил? Я чуть инфаркт не получила. И вообще, что у тебя за вид?

– Вид голодного человека. Я с утра ничего не ел. Ты можешь мне налить борща?

– Могу.

– Ну и чего ждешь?

Гелла включила электроплиту, накрыла на стол.

– Ты этот маскарад для меня устроил?

– Еще чего, для америкосов. За мной американские журналисты гонятся, интервью взять хотят, а я не даю, потому что честная девушка. А тебя вчера в «Клубничке» видели с Тарзаном, а у него жена певичка из ресторана. Может лицо отретушировать. Не боишься?

—Я знала одного китайца, который разносил сплетни по чужим квартирам.

– Это не ответ, – подошел вплотную к женщине Гарик.

– Не была я там, – отмахнулась Гелла. – Ты лучше скажи, что произошло?

– Пока тебя на этой кровати стриптизер ублажал, я бесов изгонял из твоего первого любовника.

– Из какого любовника?

– Из самого первого, Старкова.

– Он не был моим любовником, – соврала Гелла.

– Не был, был. Ты покайся перед господом лучше, пока я с остальными не разобрался, – с жадностью набросился на борщ Гарик. – Целый день не ел.

– И что ты сделал со Старковым?

– Поговорил по душам. Теперь его навсегда закроют в психушке.

– Так это он тебя так отделал?

– Нет, другие. Но мы отвлеклись. Ты про Старкова расскажи, что и как. Говорят, красавец-мужчина был? Студенток-первокурсниц портил.

– Не буду я с тобой говорить о Старкове, столько лет прошло. Да и не было у меня ничего с ним.

– Хорошо, дело давнее, тогда давай про вчерашнюю ночь. И как тебе этот Тарзан?

– Какой Тарзан, какой стриптизер, что ты несешь?

– Стриптизера мне твоя соседка слила. Она его в глазок вчера видела, а неделю назад по телеку с женой, певичкой из кабака. И знаешь, что она мне еще сказала? – Гарик перешел на таинственный шепот. – Тарзан за ночь берет штуку баксов.

– Не было у меня никого, – решила стоять на своем Гелла. – Даже тебя не было, а соседка эта просто дура, она на учете у психиатра.

– А мы сейчас проверим, вот только доем котлету, и сразу начнем.

– Губу раскатал, я тебе, что, «скорая помощь»? К жене иди, пусть ублажает, – а потом вдруг сменила тон. – Ты, может, расскажешь, что случилось. У тебя же лицо, как у настоящего китайца стало. Глазки узкие, заплывшие, а вокруг сплошной синяк. Если б я тебя ночью увидела, умерла со страху.

– Это долгая история, а у меня времени в обрез, – допив кофе, произнес Гарик. – Ты мне лучше скажи, как узнать, в какую больницу поступили мужики с переломом ключицы.

– Мужики? Их, что, несколько было?

– Трое. Гастарбайтеры с Окраины. У каждого перелом ключицы.

– Узнать можно, а зачем они тебе?

– Они у меня рюкзак с вещами одолжили, а он мне дорог, как память. Воспоминания навевают. А еще там фотографии мои были.

– Сейчас узнаю в справочной. Странный ты сегодня какой-то, – удивленно посмотрела на Гарика Гелла.

– А ты, что, и вправду ничего не знаешь?

– Нет.

– Телевизор включи, там мою жену по всем каналам с утра показывают. Телезвездой стала.

Разговор об убийстве

Пастор Трупчинов поймал Кривулю недалеко от издательства у входа в дежурный гастроном.

— Чего волну поднял? — вместо приветствия, спросил он. — Мне братья по разуму звонили из посольства. Говорят, помочь надо творческой интеллигенции.

— У Македонского совсем крышу сорвало. Он «Пятую колонну» опубликовать хочет сто-тысячным тиражом.

— Мало ли кто и чего хочет. Я, например, английскую королеву хочу! — сообщил Трупчинов.

— Так она же старая, — удивился Кривуля. — Что ты с ней делать будешь?

— Старая, молодая, я для примера сказал, а ты с ходу в сутенеры ломанулся. Кончишь плохо, Кривуля, — пригрозил Трупчинов. — Я когда к власти приду, всех примазавшихся вешать буду. Толку от вас, что сегодня, что в будущем...

— Я не о политике говорил с вами, а о Македонском, — напомнил Кривуля.

— А что о нем говорить? Рукопись у нас, что он издавать будет? Раньше надо было булками двигать. Видел я таких спортсменов. Ты если идейный — вперед иди буром на всех, а если примкнувший, который и нашим и вашим, заткнись и сопи в тряпочку!

— Я ему то же самое объяснял, а он орден получить вознамерился «За мужество». Говорит, вот книгу издам, и мне сам президент в Колонном зале повесит награду на пиджак.

— Так и сказал про орден?

— Вот, крест тебе, с места не сойти, — быстро перекрестился Кривуля.

— Ты поосторожнее крестами махай, я же могу тебя тоже осенить чем-то тяжелым и в нашу «церковь последнего дня» забрать на перевоспитание.

— Извини, не прав был. Я вообще не по этой части. Я же редактором работал, речи генсеков про атеизм редактировал.

— Ты?! — удивленно уставился на Кривулю Трупчинов.

— Ну, не совсем редактировал, я следил за тем, чтобы в присланный из Москвы текст ошибка не затесалась.

— Так бы и сказал, — успокоился Трупчинов. — А то я редактировал генсеков! Да видел я тех, кто с Лениным бревно на субботнике таскал. Десять тысяч бревнотаскателей нашлось в СССР. Примазавшихся в Кувее к стенке в первую очередь поставлю. Это самые паскудные люди будут.

– И правильно сделаете, вот только называть их в 2014 будут не примазавшиеся, а «проходившие мимо», и не в Киеве, а в Крыму.

– Ты чего несешь? Крым тут при чем? – возмутился Трупчинов. – Мы Куев брать будем!

– Это мне оттуда в голову пришло, – указал рукой на небо Кривуля. – И сразу же после военного переворота Крым превратится в остров.

– И уплывет на хрен в Турцию! – покрутил у виска пальцем Трупчинов. – Звал меня чего?

– Извините, меня чего-то опять не туда занесло. Я с вами о Македонском говорил. Он рукопись требует «Пятой колонны». Убить грозился, если я ее завтра не принесу. А я «Пятую колонну» посольским отдал, думал, тема закрыта.

– Да слышал я уже эту песню. Цээрुшник мне сказал, что ты замочить его предложил.

– Был такой разговор, – залебезил перед пастором Кривуля. – Его убить надо, иначе он все испортит.

– Убить, так убить! Кто ж против, – вытащил из-за пояса пистолет Трупчинов. – Зайдешь к нему в кабинет и всю обойму в голову. Он толстый, не промахнешься. Потом к нам на дачу. А уж оттуда мы тебя прямиком в Штаты, как политэмигранта-убийцу.

– Да вы что? Я же не по этой части. Я редактор, ну, заложить кого еще могу, – перешел на конспиративный шепот Кривуля. – Узнать чего, а стрельбе не обучен.

– Вот оно что. Ты уши цээрушнику натер, а я, значит, теперь исполняй твои прихоти!? Ты, вообще, думаешь головой, когда в посольство звонишь по всякой ерунде. Ну, если нет у тебя рукописи, то чего базарить с серьезными людьми. Вали к себе на родину, во Львов, и сопи там в две дырки.

– Он кричал, что из-под земли меня достанет, если я рукопись ему не верну. По судам затаскает! – нервно оглядываясь по сторонам, сообщил Кривуля.

– Македонский во Львове никто, и зовут его никак. Это он здесь директор издательства, а там – растереть и забыть. Вот, я вчера посылал троих балбесов морду начистить твоему писателю, так они сегодня где?

– Не знаю, – пожал плечами Кривуля.

– В больнице лежат с переломами! Ты Македонского прикончить надумал, а если и он самбистом окажется? У меня же в подчинении только строители с Окраины, а не японские каратисты. Ты меня понял, Кривуля?

– Так вы мне советуете собрать вещички, и домой? – уточнил редактор.

– Конечно, домой, ну не в Штаты же тебя отправлять, когда ты тут развалил то, что было, и простейшее задание не выполнил.

– Так я поехал во Львов? – в надежде спросил Кривуля.

– А чего ты у меня спрашиваешь. К куратору иди своему. У меня и без тебя сотня строителей особняк в Москве киевскому олигарху Пораженко возводят. Миллионер, твою мать, конфетный король Пеца, а за лишний рубль удавиться готов, алкаш хренов. Короче, завтра спокойно иди на работу, а с твоим Македонским мы тему закроем.

– Вы его убьете? – с надеждой в голосе спросил Кривуля.

– Я сказал, тему закроем, а что с ним случится, еще никто не знает.

«Желтая правда»

На вокзале Ирина купила свежие газеты, села в пригородную электричку и поехала на дачу своего бывшего мужа. Она надеялась, что там ее никто не станет искать.

Пассажиров в электричке было не много, по утрам трудовой люд перемещался в основном из Подмосковья в столицу. Ирина пристроилась у окна и стала изучать «Желтую газету». На первой полосе было опубликовано ее фото в свадебном платье. А внизу огромными красными буквами было напечатано: «Известный московский модельер Ирина Барская призналась в любви сумасшедшему психиатру!».

Придраться к этим словам было сложно. Формально она сама дала согласие на то, чтобы стать женой Старкова. Значит, призналась в любви.

Ирина перевернула страницу. На второй полосе рассказывалось о ее биографии, мужьях, платье невесты и подробностях похищения.

«Каждое второе слово вранье! – дочитав статью, мысленно возмутилась Ирина. – Ну, просто все переврали! Оказывается, я меняла мужей, как перчатки, и у меня было десять любовников, которые сошли с ума после секса со мной. Все они попали на лечение в психбольницу. А потом один из них, сбегав из психушки, повел меня под венец, но свадьбу сорвал мой сожитель, известный российский писатель Маркус Крыми. Это ж надо такое, мой муж теперь „известный российский писатель“, а я ненасытная стерва с десятью любовниками из психушки».

В других газетах репортажи были не лучше. Журналисты писали, что Ирина Барская потомственная колдунья, знает древние заклинания, привороты и цыганский гипноз. И все эти навыки и знания она использовала для того, чтобы затащить к себе в постель чужого мужчину. Вот, одна из цитат:

«Вначале она из-под венца увела жениха своей подруги, соблазнила его и вышла за него замуж, а потом на Казантипе примерная жена приворожила при помощи трав и старинных заклинаний известного российского писателя Маркуса Крыми. Потом она развелась с первым мужем и поселила у себя писателя, но этого ей было мало, и этой ночью Ирина, соблазнив Старкова, устроила дикую оргию в ЗАГСе».

А еще журналисты писали, что от трав и приворотов ведьмы мужчины теряли голову и выполняли все ее сексуальные прихоти, после чего сходили с ума. А чтобы весь этот бред казался более достоверным, авторы ссылались на книгу Маркуса Крыми «Сумасшедшая любовь».

«После таких разоблачений остается одно, взять веревку и повеситься, – подумала Ирина.

– Теперь знакомые будут считать меня жутким монстром, сексуально озабоченной стервой. Я убью Гарика! Это все из-за него. Это за ним психи гонятся по всей стране. И врача моя тоже хороша, вместо того, чтобы внушить Гарику полезные мысли и обратить его внимания на меня, она взяла и затащила чужого мужа к себе в постель».

Стриптизёр Тарзан. Послевкусие

Гелла включила телевизор, и стала переключать каналы. На четвертом – увидела Ирину. Она была в шикарном свадебном платье. Рядом с ней в черном строгом костюме стоял Старков.

– Вы готовы взять в жены Ирину Барскую? – обратилась к Старкову ведущая.

– Готов, – нервно кашлянул в кулак жених. В руке он держал опасную бритву.

Гелла, не отрываясь, смотрела на своего бывшего преподавателя.

«Он совсем дураком стал, – пронеслось в голове у женщины. – А я его охмурить надеялась на первом курсе, чтобы он меня в жены взял. Из нашей группы я у него в квартире первой побывала. Все остальные трусили, боялись идти. А мне было интересно. Да и за девственность свою я не очень держалась. Наоборот, поскорее хотела избавиться от нее, но с однокурсниками боялась делать это. Старков на лекции запугал, что те, кто половую жизнь начинают с неопытными мальчиками, могут навсегда остаться фригидными. А еще он что-то говорил о скрипке Страдивари, на которой не каждому дано играть».

– Ну и как тебе моя красавица? – недовольно ткнул пальцем в телевизор Гарик. – Стоит, как ни в чем не бывало. Как будто, так и надо.

– А что она должна была делать в такой ситуации? У него ж бритва в руке.

– Жениха послать на хрен, – повысил голос Гарик. – Там же менты переодетые рядом с ней стояли. А она «да!» на весь зал кричит.

– А я бы не только «да» сказала, я бы и переспала с ним, не раздумывая, прямо в ЗАГСе. Это ж, какое приключение! Память на всю жизнь останется.

– Ты, что, серьезно? – удивленно посмотрел на Геллу Барский.

– Конечно, одним больше, одним меньше, – поддела Гарика женщина. – Не велика проблема.

– Ну, тебе не привыкать: вчера стриптизер Тарзан, а сегодня писатель Барский.

– Не фига. Барский сегодня пролетает, как фанера над Парижем, – стала серьезной Гелла.

– Боишься, что послевкусие от Тарзана испорчу? – подколот женщину Барский.

– Было бы что портить. Тебе не кажется, что наглость твоя зашкаливает сегодня. И вообще, какое ты имеешь право мне, свободной незамужней женщине, указывать, с кем мне спать и когда. На сегодняшний день твой социальный статус всего-навсего – «чужой муж». Причем не самый лучший муж. От хорошего мужика бабы не бегают, а от тебя сбежала жена. Ты меня Тарзаном попрекаешь. Да тебе до этого Тарзана, как до неба. У него и мышцы накаченные, и подход к женщине, да и там то, что надо, выросло. И гонорар свой он сполна отработал. Вот, скажи, положи руку на сердце, а ты смог бы пятидесятилетнюю старушку так оттра-

хоть, чтобы она потом о тебе всю оставшуюся жизнь вспоминала? Нет, дорогой, нет, у тебя на нее даже не встанет. Тебе молодую подавай, красивую!

– А зачем мне старухи, это альфонсы всякие за деньги готовы кого угодно, – возмутился Гарик. – Твой Тарзан – самая настоящая проститутка. Ты же при мне женщин-проституток осуждала.

– Почему б и не поддержать бредовую идею мужчины, которого хочешь затащить в постель. Ну, не нравятся тебе проститутки, от которых ты заразу боишься подцепить, и флаг тебе в руки. Поддержу в разговоре милого, хотя и честные давалки из замужних и незамужних заразу всякую разносят не меньше профессионалок. Это я тебе как врач-гинеколог говорю. Так что неизвестно, кто из них лучше, а кто хуже.

– Ладно, проехали, – обиделся Гарик. – Не получился у нас разговор о любви.

– Почему не получился, еще как получился. Ты же меня чуть до инфаркта не довел своей старухой в бигудях. Тарзана она искала в моей квартире. Повеселился, шутник доморощенный, а теперь и я расставила все точки над i. Вот, к примеру, ты заявил мне, что тебе не нравится Тарзан и то, чем он занимается. И это твое право на свободу слова. Только не забывай, что и у меня есть тоже права и свободы, главное из которых – это право на личную жизнь. Так вот, на мое тело до свадьбы отныне ты можешь претендовать вместе с другими мужчинами на общих основаниях. И только после свадьбы тот, кто возьмет меня в жены, сможет установить полную монополию на мою любовь. Кстати, законному мужу я ни разу не изменила, и гулять начала только после развода. Надеюсь, ты меня правильно понял?

– Понял, – буркнул под нос Гарик. Он не знал, как реагировать на откровения врача-гинеколога. В своем мозгу из Геллы он слепил образ интеллигентной незамужней дамы, которая ищет достойного мужчину для создания семьи. Гелла же пыталась изобразить из себя ушлую меркантильную стерву, для которой не существует моральных запретов для получения удовольствия от разврата и смены партнеров.

– А теперь вернемся к нашим баранам, – как ни в чем не бывало, продолжила женщина. – Скажи мне, как Старков оказался на этом показе мод?

—Ирина снялась в рекламном ролике в платье невесты. Приглашала телезрителей России и Окраины на показ мод в Москву. Вот он и приехал. Но целью у него была не Ирина. Он меня хотел убить в прямом эфире, вот и замутил свадьбу с моей женой. И дураку было понятно, что я не допущу этого фарса и прикончу Старкова.

– Насколько я поняла, это твоя личная версия. А вот мне больше нравится любовно-романтическая. Старков любил свою студентку Алису, но она вышла замуж, потом ее похитили, изнасиловали, и он, как честный человек, стал мстить негодяям. За несколько лет наказал всех, кроме одного, который ее закодировал на Казантипе. Дело в том, что все неприятности Алисы начались после ее знакомства с юным санитаром психдиспансера. Мне назвать его имя? Кровного врага Старкова зовут Гарри Барский. Как версия?

– Прекрасная, но неточная. Старков управляемый человек. И за ниточки его дергают агенты ЦРУ Казимир и Ядвига Бжежинские.

– Он не страдал манией преследования, он ею наслаждался, – громко рассмеялась Гелла. – Ты хоть сам понял, что сказал? Да Старков самый обыкновенный бабник-шизофреник.

У Геллы был свой опыт общения с любвеобильным Старковым. После первой ночи она приходила к нему еще недели две. Старалась понравиться своему первому мужчине. В постели разрешала с ней делать и то, что потом не позволяла даже мужу, но Старков на все ее сексуальные подвиги и умные разговоры реагировал спокойно. А однажды, после очередной ночи любви, сказал, что научил Геллу всему, чему мог, и дальнейшие сеансы «сексотерапии» она может проводить самостоятельно со своими однокурсниками. А еще он ей сказал, что любовь – это обман, поскольку женщину и мужчину связывает только постель, и умная женщина должна манипулировать мужчиной, а не идти у него на поводу. Все эти мысли в ее голове пролетели в одно мгновение, пока Гарик подбирал слова для ответа.

– Ты считаешь Старкова самым обычным шизофреником? – задал риторический вопрос писатель. – Если это так, тогда объясни мне, ни разу не грамотному, каким образом Старков смог удрать из психбольницы, куда был направлен следователем для проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы?

– Вот и выясни, кто поспособствовал. Тебе все равно делать нечего. После такой рекламы люди перестанут читать твои книги. Новую работу придется искать по специальности. Насколько я поняла, после скандала с Алисой тебе даже фельдшерского диплома не дали?

– Диплом у меня есть, я его после армии получил, но по специальности не работал, – сообщил Гарик. – Мне трехлетней санитарской практики в психбольнице хватило. А еще, я зарекся работать в женском коллективе.

– Женщины проходу не давали? – поддела Гарика Гелла. – А я бы мимо прошла. Ни мышц накаченных, ни фигуры. Да таких, как ты, сотни на каждом углу. И что в тебе Ирина нашла? С мужем развелась, дура. Да такую красотку ты должен был на руках носить и пылинки сдувать с нее. А ты взял и изменил любимой женщине со старухой, которая старше твоей жены на десять лет. Это ни в какие ворота, Гарик. Это выходит за рамки разумного. А может, и тебя на старушек уже тянет, как Тарзана?

Гелла открыто издевалась над ним.

– Какая ты старуха? – попытался обнять женщину Гарик.

– А ты скажи, чем отличается твоя жена от меня? У нее же тело крепкое, молодое, и грудь без лифчика стоит, как надо. А может, она ноги раздвигает не так, как сорокалетние? Ну, объясни мне, наконец, почему вас, мужиков, на чужих баб тянет, даже тогда, когда своя моложе и лучше?

– Ты обещала в больницу позвонить, – решил сменить тему Барский. От Геллы он не ожидал подобного наезда. Гарик был уверен, что Гелла, узнав о разводе, тут же бросится ему на шею.

«А может, она и вправду ночь провела с Тарзаном, и теперь сравнивает всех своих мужиков с эталоном мужской красоты? Начистить бы ему рожу, чтоб чужих баб с пути истинного не сбивал!», – подумал Барский.

Тем временем на телеэкране появился седовласый старик-диктор, который сообщил, что полностью репортаж о «похищении века» можно будет посмотреть в программе «Криминальная свадьба», которая сейчас готовится к эфиру.

– Ждите очередной поток вранья, дорогие телезрители, – недовольно произнес Гарик. – Специальную передачу придумали, шакалы. Слушай, а может, этих продажных борзописцев в палату к бывшему мужу Ирины определить с переломом ключицы?

– А ты других приемов не знаешь, как отстоять свою честь и достоинство?! – возмутилась Гелла, выключая телевизор.

– Знаю: пальцами по глазам, удар по затылку кулаком. Двойной удар в сердце с переломом ребер и грудины. Достаточно, или продолжить?

—Хватит ёрничать! Лучше расскажи, что вы не поделили со Старковым на самом деле, – повысила голос женщина.

– А что мне было делить с твоим первым мужчиной?

– Гарик, я тебе уже говорила, что Старков был моим преподавом, и никаких амуров у меня с ним не было никогда.

– А ты в суд на меня подай, и я припру тебя к стенке вещдоками, – улыбнулся Барский. – Трусикки продемонстрирую Моники Левинской с живыми сперматозоидами Старкова.

– Вот, я смотрю на тебя, и понять не могу, ты сумасшедший или просто дурак. За тобой сейчас будут журналисты толпами ходить. Еще бы, редчайший экспонат рогоносца, у которого ненормальный псих увел жену в ЗАГС. Сенсация века! Вопросы будут задавать о твоей личной жизни, о жене-красавице, о любовницах. И не дай бог, если с твоего языка сорвется мое имя. Я кастрирую тебя! И это не фигура речи. Я серьезно. И вообще, после всего, что случилось, тебя в эту квартиру впускать нельзя было. Если они разнюхают хоть что-то о наших отношениях, я убью тебя!

– Ладно, уговорила. Первым у тебя был Владимир Ильич Ленин из мавзолея, а не Старков, – громко рассмеялся Гарик. Ему понравилась шутка. Потом, став серьезным, продолжил. – Да не бойся ты, я же не дурак, понимаю, что происходит. Буду молчать, как партизан на допросе.

– Вот и молодец, скушай конфетку, – улыбнулась Гелла, целуя Гарика в губы. – А теперь, расскажи, почему Старков запал на твою жену.

– Он сумасшедший.

– Это не ответ. Пожалуйста, Anamnesis morbi твоего конкурента.

– Что делается, врач-гинеколог заговорила с несостоявшимся медиком на латыни, – поддел Геллу Гарик.

– Хорошо, для особо тупых тот же вопрос я задам на чисто русском языке. Меня интересует история болезни Старкова. Когда наступили первые проявления болезни, в чем они выражались и какой диагноз поставил Старкову профессор от медицины Гарри Барский?

– Я как профессор околomedicalных наук думаю, что Старков свихнулся намного раньше, чем попал на учет к психиатрам. У него была властная, требовательная мама. Он ее боялся и выполнял все указания. Этот страх он перенес и на других взрослых женщин. Мать Старкова работала врачом. Ночами дежурила в больнице. Поэтому в ее отсутствие он приводил к себе домой «слушать музыку» ни разу не грамотных малолеток, которым преподавал уроки любви, а чтобы они не устраивали скандалы, подливал им в вино разные лекарства: благо дома всегда можно было найти снотворные, димедрол и клофелин, после чего тупо насиловал их. Это была любовь под наркозом. В то же время он боялся, что об этом узнает его мама. Вот на этой почве он и сошел с ума. А после того, как умерла мать, стал приводить в пустую квартиру студенток мединститута, которых насиловал, используя их беспомощное состояние.

– Я плачу! Психолог-самоучка. Юнг с Фрейдом отдыхают! – рассмеялась Гелла. – Да никто этих студенток не насиловал. Они сами к нему в очередь выстраивались. Захмутать неженатого препода с квартирой в Краснолиманске мечтали, чтобы потом в деревню не ехать на три года по распределению. А особо тупые наделись на его помощь во время экзаменов. И лекарства эти были нужны не ему, а студенткам, чтобы страх преодолеть перед неизбежным испытанием. Вина выпила, опьянела, и все готово. И объяснение классное: «Я пьяная была, ничего не помню, а он, негодяй, воспользовался беспомощным состоянием, изнасиловал». Только непонятно, зачем эти «изнасилованные» дуры еще неделю к Старкову ходили на сексотерапию.

– Ты своей тупой репликой пытаешься продемонстрировать мне гнусную сущность советских студенток, которые за рюмку вина и зачет по атеизму безропотно раздвигали ноги перед коварным преподавателем-педофилом.

– А что я должна говорить тебе, когда все так и было, – возмутилась Гелла. – Старкова удалось продинамить в институте только одной студентке – Алисе Мамаевой, потому что он влюбился в королеву красоты и хотел добиться от нее любви без лекарств и вина. Вот как все было.

– Одна из тысячи? А других проколов у него не было. Никто не сбегал?

– Нет. Он умел добиваться поставленной цели. Были такие, кто к нему неделями ходил в гости, ломались, плакали, но это ничего не меняло. В итоге он всегда добивался, чего хотел.

– Подобные статистические данные у меня вызывают некоторые сомнения, но я спорить не буду. Участникам оргий виднее.

– Гарик, если б у тебя не было синяков на лице, то я бы заехала тебе с правой, – замахнулась, для удара, Гелла. – Но учитывая полученные травмы, я прощаю начинающего клеветника. А теперь, товарищ писатель, поделитесь творческими планами.

– Нет никаких планов. Для начала мне нужно найти святую троицу в строительных касках. Свой рюкзак хочу вернуть законному владельцу.

Случайные связи

Ирина не знала, что ей теперь делать, она не ожидала, что ее, жертву похищения, станут обвинять во всех смертных грехах.

«Журналисты превратили меня в настоящую стерву, которая меняла мужей и любовников, как перчатки, – подумала женщина. Она сидела у окна электрички и смотрела на пролетавшие мимо нее столбы, шлагбаумы на дорогах и одноэтажные дома с огородами. – Я же своему бывшему по-настоящему изменила только с Гариком. Все остальное длилось недолго, поэтому об этих интрижках можно и не вспоминать. А тут, первый раз без мужа поехала на курорт и влюбилась, как шестнадцатилетняя девчонка. Мне нужно было отшить его тогда в Казантипе, и ничего б этого не случилось. Он подошел, заговорил, а потом предложил сыграть в игру „Кто кого пересмотрит“. Я не мигая смотрела ему в глаза... Потом он проводил меня к дому, где я снимала квартиру, и даже не пытался поцеловать. На этом наша первая встреча закончилась. Я пришла домой, позвонила мужу, маме, сделала ужин, а ночью мне приснился Гарик, и я целовалась с ним во сне. На следующий день мы встретились на пляже, пили крымское вино. Он меня обнял, прижал к себе, и я поняла, что это судьба. Он говорил, что я похожа на его первую женщину Алису».

Вначале Ирина воспринимала все, что с ней случилось в Казантипе, как обычный курортный роман. Она надеялась, что после отъезда навсегда забудет своего случайного знакомого.

«Как хорошо и спокойно было жить с моим бывшим. Он и по дому мог что-то сделать, и электропроводку заменить на даче, и огурцы закатать в банки на зиму, – подумала Ирина. – И такого мужика я променяла на малоизвестного писателя, за которым по всей стране гонятся люди из его прошлого. Гарик обречен, Старков его все равно убьет, потому что он хитрый и умный, доктор наук, а Гарик как был санитаром психушки, так им и остался. И женщин соблазнял не своей красотой и умным разговором, а необузданным мужским темпераментом. Перед таким напором ни одна замужняя дама не устоит. А уж руками как прижмет к себе, всё, туши свет!».

Ирина прикрыла глаза и ощутила на себе его сильные руки и тяжелый мужской взгляд.

«А может, это был гипноз? Однажды он проговорился, что был учеником Мессинга, но я ему не поверила.

Ирина свернула газеты, сунула их в рюкзак и вышла из вагона на станции «Приятное свидание». Дача ее бывшего мужа располагалась в трех километрах от станции. Чаще всего они приезжали сюда на выходные всей семьей, купались в озере, жарили шашлыки, собирали ягоды в лесу. Ирине вдруг захотелось вернуть то далекое суетливое время и забыть навсегда Гарика и его сумасшедших врагов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.